
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 24 ИЮНЬ 1986

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 24 (3073)

14—21 ИЮНЯ

Совещание Политического консультативного комитета государств—участников Варшавского Договора

В столице Венгерской Народной Республики 10 июня начало работу очередное совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

Совещание открыл товарищ Я. Кадар, выступивший с краткой приветственной речью.

Состоялось два заседания, на которых поочередно председательствовали глава делегации ГДР Э. Хонеккер и глава делегации ПНР В. Ярузельский. Выступили товарищи М. С. Горбачев, В. Ярузельский, Г. Гусак, Э. Хонеккер, Н. Чаушеску, Т. Живков, Я. Кадар.

На совещании Политического консультативного комитета, которое проходит в обстановке дружбы и товарищеского делового сотрудничества, рассматривается положение в Европе и мире в целом, при этом главное внимание уделяется актуальным задачам борьбы за разоружение, перестройку международных отношений, укрепление европейской и всеобщей безопасности, развитие сотрудничества между государствами.

Обсуждаются также актуальные вопросы укрепления единства и сплоченности государств — участников Варшавского Договора, расширения их всестороннего взаимодействия.

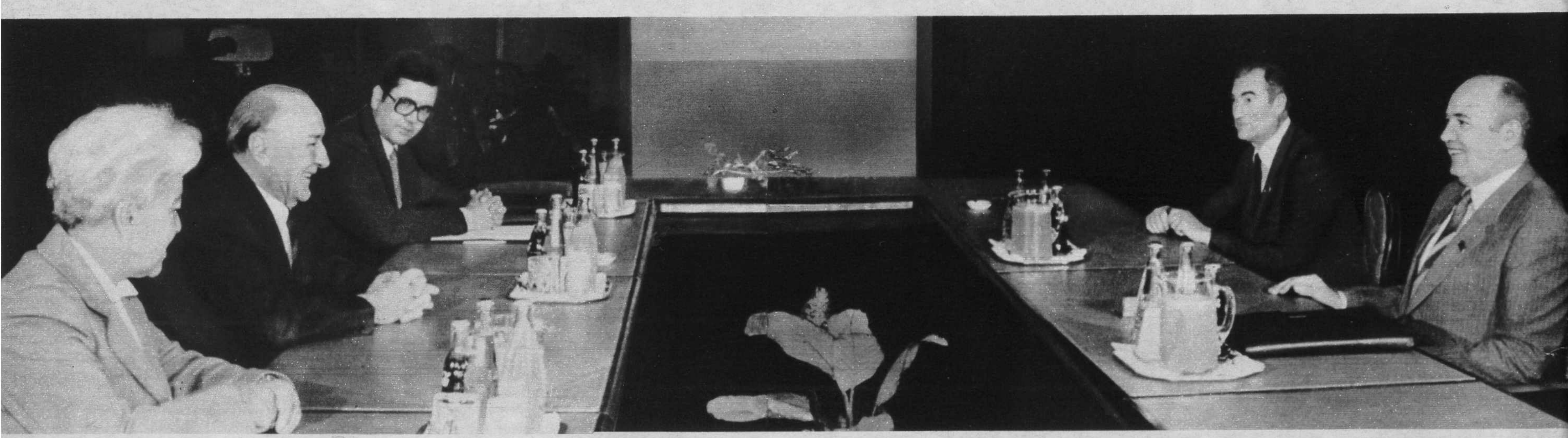

Совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

Телефото спец. корр. ТАСС Ю. Лизунова и А. Чумичева

Советская делегация в зале совещания Политического консультативного комитета.

Во время встречи в Будапеште.

Во время беседы.

М. С. Горбачев выступает на митинге советско-венгерской дружбы на Чепельском станкостроительном заводе.

Во время осмотра предприятия.

С дружественным визитом

Телефото Ю. Лизунова и А. Чумичева (ТАСС)

●

Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев 8 июня прибыл в Венгерскую Народную Республику с дружественным визитом по приглашению ЦК Венгерской социалистической рабочей партии.

Вместе с М. С. Горбачевым прибыл секретарь ЦК КПСС В. А. Медведев.

8 июня в Будапеште состоялась встреча Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза М. С. Горбачева и Генерального секретаря Венгерской социалистической рабочей партии Я. Кадара.

Руководители двух партий проинформировали друг друга о ходе выполнения решений XXVII съезда КПСС и XIII съезда ВСРП, обменялись мнениями о состоянии и перспективах дальнейшего развития советско-венгерского сотрудничества, актуальных вопросах мировой политики, а также международного коммунистического и рабочего движения.

Беседа М. С. Горбачева и Я. Кадара, прошедшая в атмосфере сердечности, в духе дружбы, характерной для отношений между двумя партиями, государствами и народами, подтвердила полное единство по всем обсуждавшимся вопросам.

М. С. Горбачев пригласил Я. Кадара посетить Советский Союз. Приглашение было с благодарностью принято.

Чувствами сердечности, братства венгерских трудящихся и советского народа, единства ВСРП и нашей партии была проникнута состоявшаяся 9 июня встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с коллективом Чепельского станкостроительного завода.

В этот же день состоялась встреча М. С. Горбачева с Я. Кадаром и другими руководителями Венгерской социалистической рабочей партии. В ней участвовали члены Политбюро ЦК ВСРП, Председатель ЦКК ВСРП, секретари ЦК ВСРП. На встрече были секретарь ЦК КПСС В. А. Медведев, другие советские товарищи.

Восстановительные работы на территории Чернобыльской АЭС. Фото В. ЗУФАРОВА (ТАСС)

ЗАПИШИТЕ МЕНЯ ДОБРОВОЛЬЦЕМ...

Корреспондент «Огонька» З. КУЗНЕЦОВА ведет репортаж из объединения «Союзатомэнерго».

— Алло, алло, «Союзатомэнерго»? Прошу направить меня на работу в район Чернобыльской АЭС.

— Фамилия? Год рождения? Специальность?

— Якушкин Александр Владимирович. Родился в 1964 году. Комсомолец. Москвич. Я водитель третьего класса. Едем вместе с Матвеевым и Волковым, они тоже водители. И крановщик Медведев с нами...

Ольга Тихоновна Демидова — старший инженер объединения — задает вопросы, уточняет сведения. Не успела положить трубку, как телефон звонит снова.

Адрес Всесоюзного промышленного объединения по атомной энергетике «Союзатомэнерго» — Москва, Китайский проезд, 7 — известен теперь всей стране. Я знала, что сюда ежедневно поступают сотни писем и телеграмм от предприятий, организаций и ведомств, от советских граждан. Но трудно было все-таки представить, сколько же рвется в Чернобыль самых разных людей, хорошо уже информированных о сложном и даже опасном характере предстоящей работы. Не дожидаясь зова. Добровольно.

...Летнее раннее утро. У входа в здание группа молодежи. Разговорились: выяснилось — студенты университета. Забегая вперед, скажу, что сегодня здесь я увижусь с людьми многих профессий: водителями, электриками, крановщиками, врачами. Но одна встреча запомнилась особо — видимо, своей неожиданностью — с кандидатом психологических наук А. У. Харашем.

— Вот и вы удивляетесь,— сказал Адольф Ульянович, уловив мое недоумение.—Что, мол, психологу сейчас в Чернобыле делать? Другие специалисты нужны. Но я знаю, что мои профессиональные знания психологии общества, коллектива, семейной жизни сейчас там просто необходимы. Ситуация стрессовая, а может быть, в некоторых семьях и кризисная. Я как психотерапевт готов помочь...

Здесь, в «Союзатомэнерго», разместился штаб, где координируются многие вопросы, связанные с ликвидацией последствий аварии и с подготовкой к эксплуатации первых двух рабочих энергоблоков.

— Военное слово «штаб» прижилось как-то само собой,— рассказывает заместитель начальника объединения В. Т. Можайский.— Просто обстановка требовала максимума оперативности. И сейчас возникают вопросы, которые, случается, в Чернобыле решить невозможно. Обсуждаем их здесь. Дежурим круглосуточно, посменно.— Виктор Тимофеевич берет телефонную трубку: на проводе другой штаб — в Киеве...— Завтра я должен быть там. У нас свой самолет. Чертежи, схемы, оборудование, люди — прямым рейсом...

Поднимаюсь на третий этаж. На лестнице слышу:

— Товарищи, спасибо большое. Но вещи нам уже не нужны,— объясняет черноволосая женщина девушке и парню с огромными сумками в руках, приглашая следовать за собой.— Понимаю, что все это от чистого сердца. Но посмотрите...

И Б. М. Коганова, заместитель начальника отдела снабжения, показывает одежду, предназначенную чернобыльцам: добротные костюмы, современные платья, спортивную одежду, кроссовки, галстуки. Словом, в этой комнате можно получить все, что необходимо, если прежняя одежда подверглась радиоактивному загрязнению.

— У нас договор с ЦУМом и «Детским миром». Сейчас я туда собираюсь: выписывают из клиники двух припятских ребятишек, а одежды нужных размеров не оказалось.

Это тоже забота штаба.

В клиниках, куда были госпитализированы люди из района аварии, сотрудники объединения установили дежурство. Л. Г. Буркова, старший инженер отдела эксплуатации непромышленных объектов, работала там с первых дней:

— Были пострадавшие, были растерянные, взвинченные. Не могли осознать, что же произошло. Мать лежит у нас, а где ее маленький сын — не знает. Приходилось обзванивать чуть не все Крымское побережье. Тут нам все шли навстречу. Телефонистки мигом соединяли с Артеком и Евпаторией. Очень помогли девчата с Курской, Белоярской, Кольской, Калининской атомных станций. Они приехали уже 29 апреля и сразу же стали настоящими нянечками,— продолжает Лариса Григорьевна.— Обязательно напишите, как помогал нам ЦК профсоюза рабочих электростанций и электротехнической промышленности. Непосредственно с Н. П. Симочатовым, председателем ЦК, решали все вопросы. Переносные телевизоры, радиоприемники в палатах — это их помощь...

На этом же третьем этаже есть еще одна комната, где тоже разместился штаб. Сейчас здесь особенно много народу: только что пришел автобус из санатория, где отдыхают и долечиваются чернобыльцы. Настало время решать вопросы, где жить, где работать: нет пока возможности вернуться в родной дом. Заместитель начальника отдела кадров З. Г. Овчинникова внимательно беседует с каждым. Электросварщик Леонид Борисович Марчук решил однозначно: «Возвращусь на свою станцию». Но его молодой товарищ растерян: маленький ребенок, ждут второго. Жена с сыном уехала в Минск к родственникам. Как они все там устроятся? Ему советуют: «Поезжайте на Минскую АТЭЦ, там обеспечат работу, жилье, детский сад...»

Знакомлюсь еще с двумя чернобыльцами:

— Надежда Ивановна Шпаченко, старший инженер реакторного цеха.

— Татьяна Алексеевна Калиниченко, машинист-обходчик. Наши мужья выполняют свое дело в Чернобыле. Мы же с детьми временно едем на Запорожскую атомную. Пока будем работать там. Но самое большое желание — скорее вернуться на родную станцию. И мы вернемся!

Молодые, симпатичные женщины говорили уверенно, спокойно. Чувствовалось, что тревога для них уже позади. В душе — новые надежды, планы...

А рядом — злая беда. Авария принесла горе в дом Татьяны Дмитриевны Дегтяренко. Ее муж Виктор Михайлович, оператор четвертого блока, во время взрыва был на смене. Получил тяжелые термические ожоги. Он недавно скончался и похоронен в Москве. «Виктор окончил институт. Растили дочь, мечтали о сыне. Радовался, что сына я родила к дню его рождения». Безутешна Татьяна Дмитриевна. Невосполнима утрата. Но есть дети, в них продолжается жизнь отца.

«Мы не оставим чернобыльцев в беде,— пишет В. Н. Завьялов из Риги.— Надо по всей стране организовать субботники, увеличить фонд помощи. Верю, что скоро пригодится в Припяти и моя профессия учителя русского языка. Сейчас, если понадобится, готов орудовать лопатой и киркой. Не выпадут они из моих рук».

Строгие, лаконичные письма, авторы которых называют свои профессии, пишут о готовности добровольно и безвозмездно работать на всех участках, где потребуются их знания, опыт, крепкие руки. «Если не я, то кто?» — этот вопрос звучит в каждом письме.

Телеграмма с пометкой «Срочная». Рапортует коллектив шахты «Распадская» производственного объединения «Южкузбассуголь» г. Междуреченска Кемеровской области: шахтеры приняли решение перечислить в фонд пострадавшим на АЭС свой дневной заработок. Бригада шахтопроходчиков из 25 человек готова срочно выехать в Чернобыль.

Еще телеграммы. Из Целиногра-

да и Альметьевска, из Ленинграда и Нахичевани, из самых разных уголков страны. Одни кратко сообщают о своем желании принять участие в восстановительных работах в Чернобыле, другие приглашают к себе на жительство пострадавших.

Только к вечеру я смогла связаться по телефону с Г. А. Веретенниковым, начальником объединения «Союзатомэнерго», которого накануне, перед отъездом, просила ответить на ряд вопросов. Геннадий Анатольевич сейчас в Чернобыле. Слышимость прекрасная.

— Прошло полтора месяца после аварии. Масштабы ее было трудно определить в первые дни. Какова ситуация сейчас?

— Сегодня тактика и стратегия борьбы ясны. Обстановка деловая, спокойная. Четвертый блок под контролем. Но у самого блока уровень радиации еще достаточно высок, хотя и снижается с каждым днем. Используем специальную технику, бережем каждого человека. Вы уже, думаю, знаете, что сейчас главная задача — подвести фундамент под реактор, разрабатываются довольно сложные конструкции. И, конечно же, не менее важная задача — дезактивация станции. Дозиметристы уточняют радиационную обстановку круглосуточно. Начали подготовку к эксплуатации первого и второго блоков. Сегодня в Чернобыле сосредоточены солидные силы...

— Скажите, Геннадий Анатольевич, находят ли реальное применение предложения, высказываемые в почте, адресованной вашему объединению?

— Некоторые из предложений специалистов-практиков, ученых уже рассматриваются. Вот пример. Харьковчанин М. Е. Гольдштейн предложил состав специального раствора для борьбы с загрязненной радиоактивными веществами пылью. Сейчас, летом, ее на дорогах предостаточно... Заинтересовали телеграммы профессора Тихонова из новосибирского Института цитологии и генетики, товарищей Исамухамедова из Навои, Чеха из Лисичанска.

— А специалисты или просто рабочие руки нужны?

— Авторам писем, поступивших к нам, в «Союзатомэнерго», отвечаем: если понадобитесь — вызовем. В первую очередь рассчитываем на помощь строителей, химиков, особенно дозиметристов, дезактиваторщиков... Мы уже обратили внимание на письмо старшекурсников физико-технического факультета Уральского политехнического института. Вместе с профессором Всеволодом Семеновичем Кортовым они готовы оперативно организовать студенческий отряд для проведения дозиметрических и дезактивационных работ в тридцатикилометровой зоне АЭС.

...Конец рабочего дня. И снова в штаб дежурный приносит почту. Беру первое письмо. Адрес — Чимкент. «К вам обращается экипаж самолета АН-2. Командир самолета коммунист П. А. Марчук и второй пилот коммунист А. Ю. Котов. Если для ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС или для проведения агротехнических работ потребуются знания и опыт экипажа сельскохозяйственной авиации, примем за честь участвовать в этом благородном деле.

Запишите нас добровольцами».

ПАНОРАМА МЕЖДУНАРОДНАЯ ПАНОРАМА

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Волны массовых арестов то и дело прокатываются по Западному берегу реки Иордан и в секторе Газа. Людей хватают повсюду, а затем бросают в тюрьмы без суда и следствия либо для формальности предъявив стандартное обвинение в «неповиновении властям» или в «симпатиях к ООП». Начиная с 1967 года, то есть после израильской оккупации, были подвергнуты заключению 300 тысяч арабов.

На снимке: такими заборами из колючей проволоки израильские оккупанты пытаются превратить в сплошной концентрационный лагерь исконные арабские территории.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

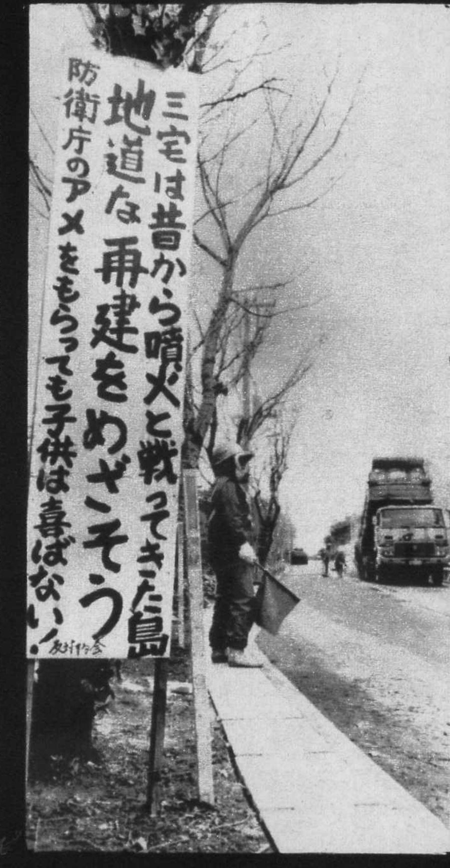
Крайне напряженная обстановка сохраняется в Ольстере. Улицы городов патрулируют усиленные наряды полиции и армии после проведенного протестантскими «ультра» так называемого «дня действий», в ходе которого экстремисты потребовали, чтобы правительство Великобритании расторгло подписанное в конце прошлого года англо-ирландское соглашение по Ольстеру, в котором юнионисты видят угрозу своему привилегированному положению в провинции.

«День действий», констатирует агентство Пресс Ассошиэйшн, «вылился в откровенную оргию беззакония». Распоясавшиеся молодчики, по свидетельству печати, пытались создать атмосферу террора, запугать представителей католической общины. Пылающие автомашины, воздвигнутые на улицах Белфаста, Дерри и других североирландских городов баррикады, устроенные на автомагистралях завалы, закрытые школы, магазины. Таким предстал в «день действий» протестантских «ультра» Ольстер.

На снимке: на улицах Белфаста.

ЯПОНИЯ

Шеф военного ведомства Коити Като неожиданно обнаружил в стране «серьезную угрозу принципам демократии». Как выяснили в управлении национальной обороны (УНО), заявил он на состоявшейся в Токио пресс-конференции, рассадником этой «страшной опасности» стал маленький остров Мияке, жители которого уже несколько лет ведут неравную борьбу с Пентагоном и правительством консерваторов, решившим построить там новейший аэродром для американских боевых самолетов. Более 80 процентов населения острова выступают решительно против этих планов. Они начали кампанию за отзыв из местного муниципального собрания двух депутатов, которые склонились перед нажимом из центра и согласились со строительством аэродрома. Именно это массовое движение начальник военного ведомства и окрестил «угрозой демократии».

На снимке: на плакате, вывешенном у ремонтируемого участка дороги, говорится: «Подарки УНО не нужны нашим детям». «Жители Мияке желают оставить своим потомкам мирный и богатый остров».

Фото ЭФЭ — Рейтер — ТАСС

ИСПАНИЯ

В капиталистическом мире ради сомнительной известности либо просто из-за хронической нехватки денег некоторые отчаянные головы идут на огромный профессиональный риск.

На снимке: отважные циркачи «Буглер-Тонелли Шоу» в барселонском небе на тонком канате, на 50-метровой высоте.

УЛЫБКИ Зелена-Гуры

В ПОЛЬШЕ СОСТОЯЛСЯ XXII ФЕСТИВАЛЬ СОВЕТСКОЙ ПЕСНИ

Помню, много лет назад, в середине шестидесятых годов, тогдашний председатель совета Зеленогурского воеводского совета Ян Лембас, с которым мы познакомились в Москве, приглашал меня в свой город: «Обязательно приезжайте в Зелена-Гуру! Убедитесь, насколько она красива и действительно зеленая. А знаете, как зеленогурцы любят советские песни! С недавних пор заключительные концерты фестиваля советской песни проходят у нас!..»

Сегодня это традиция. Каждый год десятки тысяч молодых людей — участников художественной самодеятельности: рабочие, студенты, воины Войска Польского — на городских воеводских предварительных конкурсах, которые проходят по всей Польше, оспаривают право выступать на эстраде Зелена-Гуры.

Мне часто доводилось беседовать с молодыми людьми — лауреатами зеленогурского фестиваля разных лет. Вопросы мои, как правило, были традиционными: «Когда вы впервые познакомились с советской песней? Почему решили участвовать в фестивале?» Следовали ответы: «Мой отец (или дед) сражался в войну плечом к плечу с советскими солдатами, освобождал Польшу от гитлеровцев. Дома он часто пел «Темную ночь» («Синий платочек», «Катюшу»). Эта песня полюбилась и мне...» «А мой восстанавливал разрушенную фашистами Варшаву, работал с советскими друзьями. Его любимая песня «Подмосковные вечера». Теперь и моя тоже...»

Любят в Польше советскую песню. Не только за искренность, мелодичность, задушевность, но и за то, что для миллионов поляков она стала документом времени, символом совместной борьбы и мирного строительства. Многие помнят, как вскоре после войны в чудом уцелевшем подвале на Маршалковской открылось небольшое кафе. Варшавский бард Мечислав Фогг пел здесь песни польские и советские, бесконечно дорогие его сердцу, вселявшие людям уверенность.

Мечиславу не довелось выступать в Зелена-Гуре, зато с неизменно праздничным настроением отправлялась в Зелена-Гуру незабываемая Анна Герман — выдающаяся певица, чей вклад в пропаганду советской песни в Польше поистине неоценим. Ныне один из главных призов фестиваля назван именем Анны Герман...

Когда Ян Лембас приглашал меня впервые в Зелена-Гуру, концерты проходили в небольших помещениях Дома дружбы и Народного зала, насчитывавших несколько сот мест. Но уже в 1973 году на средства, полученные от субботников, вырос фестивальный амфитеатр на несколько тысяч человек. Вообще к фестивалю город становится особенно нарядным. Повсюду плакаты, приглашающие на концерты, пресс-конференции, начинает выходить фестивальная газета. В дни музыкального праздника проходят встречи писателей, художников наших стран, работают выставки, рассказывающие о достижениях Страны Советов в различных областях, о многостороннем сотрудничестве СССР и ПНР. А если добавить к этому «детский фестын» — театрализованное представление польской детворы,— станет очевидным, что в городе в эти июньские дни действительно проходит праздник нашего братства и единства. Не секрет, когда в начале восьмидесятых годов определенные лица пытались омрачить зеленогурский фестиваль (попросту говоря, сорвать его), их ждало горькое разочарование. Со сцены Зелена-Гуры по-прежнему гордо, вдохновенно звучала советская песня — песня мира, единства, надежды.

Как поют молодые участники фестиваля? Ответ неоднозначен, по-разному. Но главное — старательно, с любовью. В дни и ночи накануне концертов, во время репетиций с оркестром польского радио и телевидения с ними занимаются опытные профессиональные музыканты. Объясняют, а кое-кого и успокаивают. Замечательные дирижеры Хенрик Дебих и Ежи Мильян воспитали целые поколения лауреатов фестиваля.

Здислава Сосницка, Катажина Шленк, Рената Данэль и многие другие, ныне известные всем в Польше и многим за ее пределами, начинали в Зелена-Гуре.

Традиционными сделались «Концерты дружбы» с участием советских и польских профессиональных актеров. Прошли они и в рамках только что закончившегося XXII фестиваля. В Зелена-Гуре пели советские артисты Владимир Мигуля, Ирина Уварова, Игорь Скляр, Марьюо Ляник, группа «Диалог», польские — Марыля Родович, Збигнев Водецкий и другие.

Еще одна традиция: лауреаты фестиваля через несколько дней приедут к нам в страну, а их выступление мы увидим по телевидению, в концертных залах, услышим по радио. Большинство из них, конечно же, мечтает в будущем связать свою жизнь со сценой. Да сбудутся эти мечты!

Десять лет назад мы вместе с композитором Владимиром Шаинским написали песню «Зелена-Гура». Она до сих пор звучит в дни фестиваля. Есть там такие строки:

И песни летят, как живые
гонцы,
И дети поют так, как пели
отцы,
Поют так, как пели отцы...

В преемственности — важное значение этих фестивалей.

Александр ЖИГАРЕВ

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ИЗ ЧЕТЫРЕХ

ПОЧИН ВАЗОВЦЕВ ПОДДЕРЖАН

В ОБЩУЮ КОПИЛКУ

«ВАС ОЧЕНЬ ЖДУТ!»

Еще одна школа в Южном Измайлове.

Н. БЫКОВ,
фото Э. ЭТТИНГЕРА

Старого поэта волновало: как слово наше отзовется?.. Призывное слово, слово патриотическое способно породить душевный порыв и как следствие поступки самые прекрасные. Любой из нас знает немало фактов, подтверждающих это. Слово энтузиастов из коллектива ВАЗа пробудило инициативу во многих городах, в том числе и среди москвичей. Желающих поработать на стройках столицы четыре дня в году все прибывает и прибывает.

Кто строит Москву? «Главмосстрой», его многотысячный коллектив. Только в нынешнем году надо сдать под ключ двадцать шесть школ, еще больше детских

См. стр. 25.

Савелий ЯМЩИКОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Вернисажи коллекционеров

Не только с музейными собраниями имеют дело художники-реставраторы, часто мы оказываем помощь в сохранении памятников истории, культуры, принадлежащих частным коллекционерам. В личных собраниях встречаются первоклассные образцы живописи, скульптуры, прикладного искусства. Хозяева их в большинстве случаев люди, одержимые благородной идеей собирательства, готовые на край света пойти в поисках редкого произведения искусства. Настоящий собиратель не просто счастливый обладатель шедевра. Он прежде всего открыватель, знаток и специалист в той области, где сосредоточены его интересы.

Истинный энтузиаст никогда не таит тех произведений искусства, которые ему удалось приобрести, а всегда охотно показывает их на выставках, тем самым превращая собственное достояние в общественное. Выставки частных собраний постепенно стали традицией, что одинаково полезно и их владельцам, и государственным музеям. Сам я не коллекционер и никогда не думал о создании собственного собрания, но я хорошо знаю многие.

Мне довелось принимать участие в организации нескольких выставок произведений искусства из частных коллекций. Экспозиция «Древнерусская живопись. Новые открытия» впервые объединила памятники иконописи из различных частных коллекций. То, что раньше могли видеть единицы, стало доступно широкому кругу зрителей. Среди участников выставки были художники (П. Корин, Т. Маврина и Н. Кузьмин, Н. Воробьев, Н. Кормашов, В. Тюлин и другие), писатели, искусствоведы, архитекторы, ученые, кинодеятели, имена которых связаны с достижениями советской науки и культуры. Прекрасно, что, несмотря на повседневную занятость, они находят время для поисков редких памятников русского искусства. В знаниях и опыте наших собирателей лучше всего убеждал состав выставки. Здесь впервые были показаны уникальные произведения ростовских, новгородских, суздальских, псковских и северных живописцев. Неизвестные ранее памятники благодаря этой выставке помогли заполнить существенные лакуны в сложной схеме развития древнерусского искусства.

Конечно, не все проходило гладко у устроителей выставки, показанной в Музее древнерусского искусства имени Андрея Рублева. К сожалению, не удалось получить у некоторых владельцев редкие образцы старой живописи, не увидели их десятки тысяч посетителей музея.

Закон об охране и использовании памятников истории и культуры, действующий в нашей стране, подтверждает право личной собственности граждан на художественные ценности. Процесс установления культурной и исторической значимости различных предметов искусства—дело отнюдь не простое. Одним из основных способов признания подлинности и определения ценности памятников являются широкий показ их на выставках и последующая публикация экспонированных произведений.

Но иногда инициатива частных коллекционеров не находит должной поддержки и понимания со стороны отдельных музейных работников и скептически к ним относящихся учреждений, больше думающих о бюрократических формальностях, чем о судьбе бесценных произведений искусства. Много сил пришлось потратить автору этих строк вместе с бывшим директором Государственного Русского музея В. Пушкаревым, чтобы редкое собрание картин отечественных живописцев XVIII—XX веков, принадлежавшее И. М. Воронову, стало собственностью ленинградского музея и музея-заповедника в Пскове. Владелец коллекции выразил пожелание передать картины в галереи, подтвердил его специальным документом, и, несмотря на это, потребовались годы, чтобы убедить соответствующие инстанции узаконить акт благородной воли. За уникальные холсты западноевропейских мастеров XV—XVIII веков, завещанные государству тем же хозяином, нам пришлось вести настоящую борьбу с упорными противниками, способными пойти на нарушение закона, лишь бы лишить многих людей встречи с творениями старых художников.

Но все трудности и невзгоды, связанные с судьбами частных коллекций, забываются, когда присутствуешь на вернисажах, подобных тому, который состоялся недавно в Центральном выставочном зале Ленинграда, где открывалась экспозиция «Русское искусство XVIII — начала XX века из частных собраний», подготовленная местным отделением Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и сотрудниками зала.

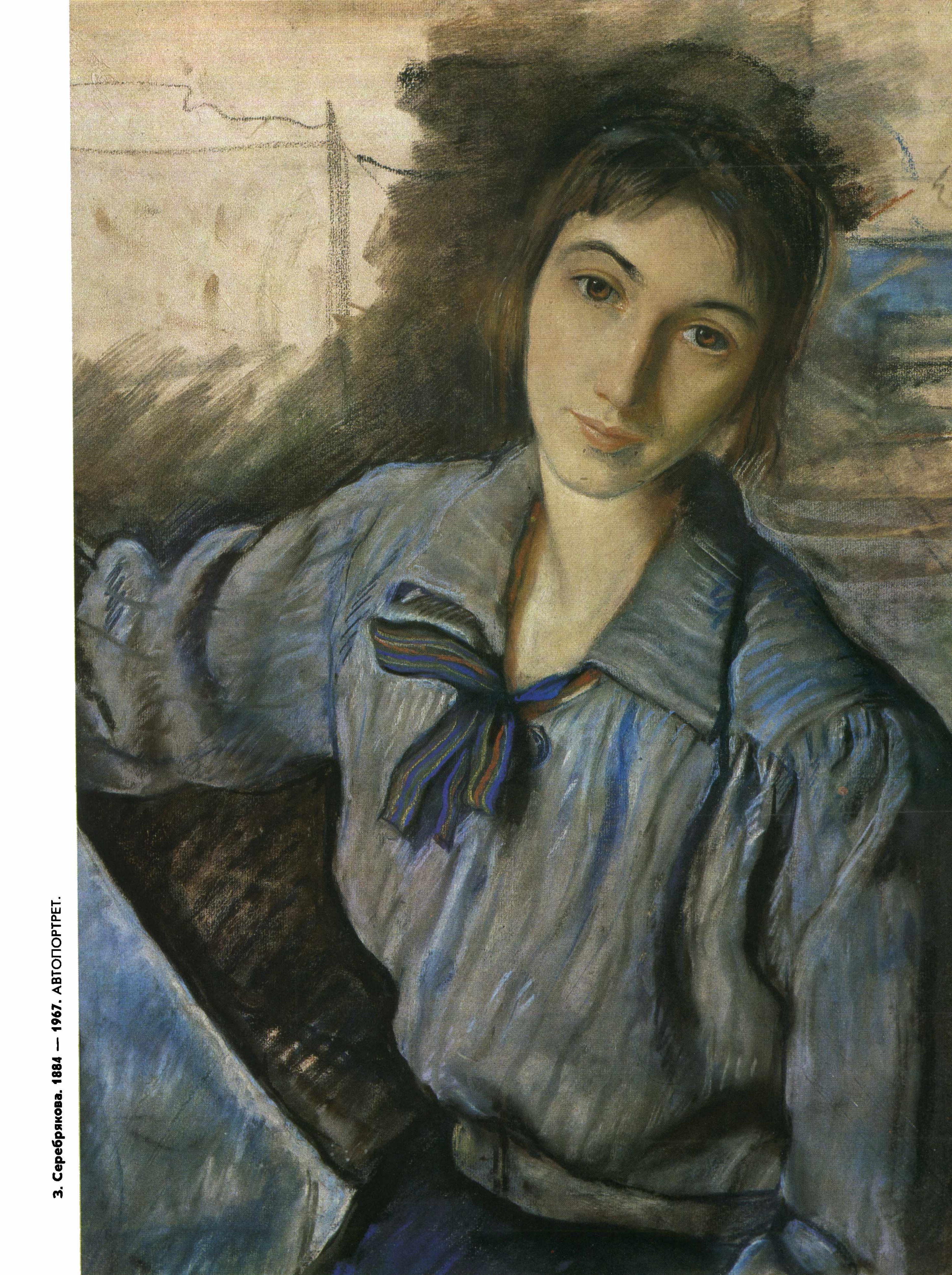
* * *

Приходилось ли вам, любуясь архитектурными сокровищами Ленинграда в вечерние часы, останавливаться перед освещенными окнами некоторых квартир, на стенах которых тускло поблескивала позолота массивных рам, обрамляющих таинственные портреты, фантастические пейзажи или загадочные баталии, запечатленные кистью старых живописцев? Не хотелось ли иногда оказаться внутри манящего к себе домашнего музея? Повнимательнее рассмотреть редкие гравюры и воздушные акварели, обойти со всех сторон застекленные горки с изысканными фарфоровыми изделиями, распознать, что за личности изображены на драгоценных портретных миниатюрах? Но кто же ради лишь одного удовлетворения личных эстетических потребностей осмелится докучать незнакомым людям? Так и оставались бы эти сокровища недосягаемыми для многих современников, если бы не добрая воля их владельцев и не профессиональный энтузиазм организаторов выставки, которая проходила на Исаакиевской площади в помещении бывшего Конногвардейского манежа, построенного по проекту талантливого Д. Кваренги.

Семьдесят пять участников ленинградской выставки представили на обозрение тысячам зрителей произведения самых различных мастеров. Портреты, исполненные мастерами круга Никитина, Рокотова, Боровиковского, Левицкого и Кипренского, многочисленные портретные миниатюры на кости — эти жемчужины, созданные талантливыми виртуозами, пейзажи самых различных уголков России и чужеземных стран. Жанровые сцены и театральные декорации, эскизы костюмов и скульптурные изображения — их на выставке оказалось так много, что невозможно было за один раз даже бегло с ними ознакомиться.

Ту часть ленинградской экспозиции, которая экспонировалась на первом этаже зала, можно назвать выставкой в выставке. Устроители показали здесь первоклассные по художественному качеству произведения отечественных мастеров, творивших на рубеже XIX—XX веков. Своеобразной прелюдией к этому разделу проходит перед зрителем галерея портретов и автопортретов ярких представителей «серебряного века» в русской культуре. Посетители выставки, прежде чем познакомиться с работами прославленных художников — В. Серова, М. Врубеля, А. Бенуа, К. Сомова, М. Добужинского, К. Коровина, А. Головина, Е. Лансере, Н. Крымова и многих других,— могли заглянуть в творческую лабораторию мастеров, рисовавших себя или собратьев по искусству с натуры. Делались все эти портреты не на заказ, а для себя, поэтому и есть в них определенная доля «обнаженности», гротесковости, сочетающейся с добротой. А сколь ценный материал для исследования эпохи дают эти автопортреты художников, выставлявшиеся на выставке.

Изобразительный материал, относящийся к рубежу XIX—XX веков и показанный на ленинградской выставке, столь обширен, что сегодняшние искусствоведы могут написать целую книгу, пользуясь счастливо обретенной возможностью. Десятками, а не единицами представлено творчество крупнейших деятелей этой интересной эпохи. Необычные, никогда ранее не встречавшиеся рисунки и эскизы Врубеля соседствуют с законченными портретами и ценными композиционными вариантами Серова. Целое путешествие по Версалю совершали зрители, рассматривая многочисленные гуаши и акварели Бенуа, а потом художник переносил их на петербургские площади, где проходили учения и парады под строгим царственным взглядом Павла I. Портреты русских крестьянок, уставших от повседневной работы, но сохранивших первозданное величие и красоту, представляли полотна Серебряковой. Сельские будни и праздники, веселый, искрящийся мир цирка с легким юмором воспел Б. Григорьев. Очень широко представленный на выставке Петров-Водкин, верный своей творческой манере, сумел раскрыть внутренний мир деревенских жительниц, проживших долгий век. Его картина «Старухи», написанная в 1909 году, могла бы стать иллюстрацией, очень созвучной содержанию распутинского «Прощания с Матёрой». Головин очаровал свежестью и полупрозрачностью темперных сочетаний, а эскизы декораций к «Маскараду» напоминают о счастливых днях расцвета русской сценографии. Кустодиев наряду с типичными портретами купчих и зарисовками провинциального быта предстал своеобразным драматургом в картине «Осень. Гроза над городом», где на фоне ностальгического пейзажа происходит решающее объяснение любящих или любивших друг друга людей. Неповторимы и легко узнаваемы холсты Крымова, а картина «Зимний вечер» озарена каким-то неземным светом, идущим изнутри и поражающим богатством оттенков. Игриво изящны сомовские «арлекины», дамы, собравшиеся на праздничные карнавалы. Очаровательны интимные жанровые сцены кисти этого мастера. Не многочисленны, но очень качественны работы Борисова-Мусатова, существенно дополняющие наше представление об этом удивительном живописце. Первоклассные образцы подлинного искусства оставили нам в наследство Константин Коровин, Мстислав Добужинский, Николай Сапунов, ранние Павел Кузнецов, Мартирос Сарьян, Евгений Лансере. Работы этих мастеров тоже показаны на ленинградской выставке. Работы редкие, в большинстве случаев неизвестные широкой публике.

З. Серебрякова. 1884 — 1967. АВТОПОРТРЕТ.

Б. Кустодиев. 1878 — 1927. ОСЕНЬ. ГРОЗА НАД ГОРОДОМ. 1918.

Ленинградская выставка собиралась и готовилась к показу в течение трех лет. За это время удалось сделать многое для атрибуции, научной экспертизы и исследования богатейшего художественного наследия. Многое, но, конечно же, не все. Необходимые уточнения делались специалистами и зрителями в процессе работы выставки. В одном из таких «открытий» мне невольно довелось участвовать.

Отбирая на выставке сюжеты для фотосъемки, я остановил внимание на одном из акварельных автопортретов Зинаиды Серебряковой. Когда, вернувшись в Москву, я разложил отпечатки на редакционном столе, один из сотрудников журнала, хорошо знакомый с творчеством художницы и даже влюбленный в ее неповторимый образ, выразил сомнение относительно сходства женщины, изображенной на листе, с обликом З. Серебряковой. Я не придал значения его словам и сдал фотографию в печать, сопроводив ее подписью, взятой с выставочной этикетки. А через несколько дней одна из моих сотрудниц по Институту реставрации, увидев репродукцию, почти уверенно сказала: «Это не Зинаида Серебрякова, а скорее всего, моя мать». Я знал о родственных связях говорившей с семьей Серебряковых и Лансере и попросил ее во время ближайшей командировки в Ленинград разобраться с загадочным автопортретом. Предварительная экспертиза, встреча с владельцем акварельного листа и семейные архивы окончательно убедили всех, что автопортретом этот лист назван ошибочно.

На проходившей несколькими годами раньше в том же ленинградском зале выставке «Русская графика XVIII—XX веков (из собрания Н. Качурина и Я. Рубинштейна)» за день до вернисажа президент Академии художеств Борис Сергеевич Угаров (случайно оказавшийся в Манеже) опознал в работе, приписывавшейся С. Герасимову, своих «Пугачевцев», созданных по мотивам пушкинской «Капитанской дочки».

Описанные случаи никак нельзя относить к числу занимательных курьезов. Выставки частных коллекций, как и любые другие показы, дают богатейший материал для нового прочтения и переосмысливания многих страниц истории искусства, до сего дня остававшихся совсем неизвестными.

Отдельные ленинградские коллекционеры прямо с выставки передали свои сокровища в музеи, другие будут продолжать пополнять личные собрания, чтобы затем сделать их достоянием многих. Ленинградская выставка еще раз с большой убедительностью подчеркнула необходимость развития и совершенствования музейной работы с частными владельцами, помогающими спасать и учитывать драгоценные свидетельства отечественной и зарубежной культуры.

В последнее время заметно обострился интерес к частному коллекционированию произведений изобразительного искусства. Все чаще и чаще появляются сообщения о передачах коллекций в различные музеи и государственные собрания. Процесс этот наблюдается не только в больших городах. Сегодня нельзя оставлять без внимания тот факт, что провинциальные галереи на глазах пополняются ценными экспонатами, собранными живущими здесь энтузиастами или уроженцами этих мест. И только не посвященные в сложности и тонкости музейного дела скептики могут усомниться в неоспоримой важности возникшего процесса: мол, свои сокровища хранят в запасниках, ибо показывать негде, а им подавай еще и подарки коллекционеров. Для первоклассного произведения искусства всегда найдется место в постоянной музейной экспозиции, а в хорошо содержащемся запаснике оно будет тщательно изучено, окружено заботой научных сотрудников и доступно широкому кругу специалистов, изучающих историю искусства.

Частное коллекционирование произведений искусства в России имеет глубокие корни и прочные традиции. Деятельность первых русских коллекционеров — а их было немало — способствовала началу реставрации и изучения истории нашей иконописи. Собрания Н. Лихачева и И. Остроухова — коллекционеров, отличавшихся не только хорошим вкусом, но и высокой профессиональной требовательностью,— легли в основу сегодняшних богатейших отделов древнерусского искусства Русского музея и Третьяковской галереи. Заслуженное признание получила собирательская деятельность П. Корина, а его коллекция, пополнившая фонды Третьяковской галереи, сейчас, когда общенациональная сокровищница временно закрыта в связи с ремонтом, позволит москвичам любоваться шедеврами старых мастеров в музее-квартире художника.

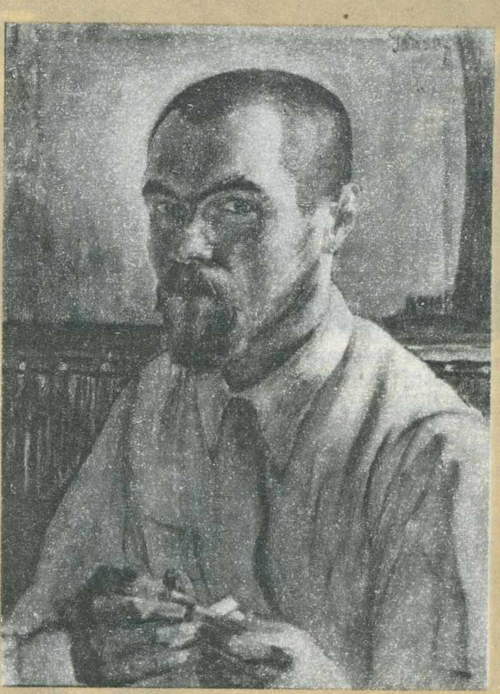
Вопрос о создании Музея частных коллекций, вынесенный на повестку дня, не решится в одночасье. Но и откладывать это важнейшее государственное дело в долгий ящик равносильно преступлению. Нужно использовать любую возможность для показа частных коллекций широкой публике, находить и реставрировать архитектурные памятники, сразу же приспосабливая их под выставочные залы, где постоянно будут храниться частные собрания. И не совершать ошибок, подобных поспешному решению, согласно которому особняк И. С. Остроухова в Трубниковском переулке, восстановленный реставраторами, приспособлен под Музей советской литературы. Такое решение одинаково неразумно и для памяти человека, чья уникальная коллекция хранилась в стенах этого дома, и для писателей, литературное наследие которых можно и нужно показывать в залах, соответствующих содержанию и смыслу этого наследия.

Мы все чаще становимся свидетелями ценнейших даров, поступающих от владельцев частных коллекций, знакомящих современников с результатами своей нелегкой собирательской деятельности. И мы всегда будем признательны коллекционерам, взявшим за ее основу благородный принцип: «Все остается людям!»

И. Браз. ПОРТРЕТ К. СОМОВА. 1921 г.

З. Серебрякова. ПОРТРЕТ З. В. ЛАНСЕРЕ-СЕРЕБРЯКОВОЙ. 1916 г.

Б. Григорьев. ПОРТРЕТ М. ДОБУЖИНСКОГО. 1915 г.

К. Петров-Водкин. АВТОПОРТРЕТ. 1907 г.

Почта пришла. Фото М. Савина.

НЕ БЫЛО БЕЗЫМЯННЫХ

Филипп Сергеевич Коротков приехал в архив из г. Жданова.

К 45-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

КОМАНДИРОВКА ПО ПИСЬМАМ ЧИТАТЕЛЕЙ

СОЛДАТ...

З. ЗОЛОТОВА,
фото С. ПЕТРУХИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

«Столько лет прошло, как нет в живых моего мужа Евлампиева Андрея Григорьевича. Мы победили и живем счастливо. А вспомню его — плачу. Слез моих пролито, как большая река. Всю жизнь ищу, где он похоронен. Может, отзовутся его однополчане! — пишет в «Огонек» Ю. А. Евлампиева из Львова.— Есть у меня внучка. Хочу, чтобы она растила сады и приносила людям счастье. А для этого нужен мир и только мир, за который отдал жизнь ее дедушка».

«Мой отец в 1942 году пропал без вести. Помогите разыскать хотя бы какие-то сведения о нем. Знаю случаи, когда через десятки лет люди находят могилы, где похоронены близкие. Могут приехать и поклониться им»,— обращается к нам дочь рядового Шевырина Ивана Павловича.

Во многих семьях еще хранятся извещения о пропавших без вести, а значит, до сих пор живет надежда если не на возвращение, то хотя бы на возможность отыскать могилу, где похоронены сын, муж, отец. В редакцию также идут письма от ветеранов — участников минувших боев. Государство по праву предоставило им льготы и преимущества. Но для получения положенных льгот надо иметь документ, подтверждающий участие в войне. В связи с этим, как свидетельствует почта журнала, возникает иногда немало трудностей.

С письмами читателей «Огонька» я обратилась в Центральный архив Министерства обороны СССР, ибо ответ на них могут дать документальные материалы, хранящиеся здесь.

Что же хранит архив? Что составляет его золотой фонд? Около 11 миллионов дел, в которых отражается замысел и исход боевых операций, судьба маршала и судьба солдата, пять миллиардов документов, ставших сегодня государственной ценностью.

Нельзя спокойно смотреть на аккуратно подшитые боевые донесения, написанные часто наспех и от руки, на клочках, карандашом,— бой идет, не до бумаг... Но день за днем штаб фиксировал штурм каждой высотки, отличал героев, составлял списки погибших, подшивал директивы и приказы. Так рождалась боевая летопись нашей армии — от первого дня войны до последнего.

Передо мной дело, на котором написано: «Хранить постоянно. Начато 22 июня 1941 года». Это журнал боевых действий 123-го истребительного авиационного полка. Полк принял первый удар, прикрывая Брест. Читаю: «Весь первый день войны летчики полка в течение 10 часов вели беспрерывные воздушные бои с многократно превосходящими силами противника и сбили 30 самолетов. В неравном бою погиб командир полка Б. Н. Сурин, который провел четыре воздушных боя и сбил три вражеских самолета...» Документ о первых часах войны, первых подвигах, первых наших потерях. И другой документ, подписанный маршалом Г. К. Жуковым,— боевое донесение командования 1-го Белорусского фронта: «Войска фронта, сломив сопротивление окруженного противника, овладели столицей Германии — городом Берлин...» Он тоже хранится здесь, в архиве, венчая итог всей Великой Отечественной, от начала которой нас отделяют 45 лет.

Пока по распоряжению **начальника архива генерал-майора Николая Ивановича ЛУЦЕВА** сотрудники готовили ответы нашим читателям, мы беседуем с ним по вопросам, которые наиболее часто звучат в почте «Огонька». Николай Иванович закончил войну майором, под Сапун-горой был ранен, освобождал Польшу, брал Берлин, терял в боях сослуживцев и находил их...

— Николай Иванович, москвичка В. Писарева сообщает нам: «Пришла в военкомат, а мне отвечают: «Ваш госпиталь к действующей армии не относился, и выдать удостоверение участника войны не можем». В редакцию приходит немало писем, авторы которых спрашивают: кто же считается участником войны?

— Есть конкретный документ, который отвечает на этот вопрос читателей,— Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1975 года № 1437 — IX. Этим Указом утверждена юбилейная медаль «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.». На оборотной стороне медали написано — «Участнику войны». Имеется разъяснение, что к участникам Великой Отечественной войны относятся военнослужащие и лица вольнонаемного состава, принимавшие в рядах Вооруженных Сил СССР участие в боевых действиях непосредственно на фронтах, то есть в действующей армии, партизаны,

подпольщики, а также другие лица, награжденные медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» или «За победу над Японией».

— Николай Иванович, мы столкнулись с такими случаями, когда авторы наших писем имеют перечисленные вами награды, но льгот не получают.

— Да, действительно, не каждый награжденный этими медалями имеет право на льготы. Даются льготы только военнослужащим и вольнонаемным, которые проходили службу в действующей армии, партизанам, подпольщикам. А указанными медалями было награждено много советских людей, которые внесли свой вклад в Победу, не находясь в действующей армии.

— Значит, для получения удостоверения участника войны достаточно иметь подтверждение, что часть, в которой служил, относилась к действующей армии. А как доказать службу, если в силу многих причин нет нужных документов?

в одной из частей, входившей в состав действующей армии. Совсем не важно, сколько времени он воевал в этой части.

— А если нужный документ в архив не поступил? Как подтвердить военную службу в этом случае?

— Только свидетельскими показаниями. Требуется как минимум два свидетельских показания сослуживцев. Однако для получения самих льгот нужны только подлинные документы о службе в действующей армии. А таковыми являются справки воинских частей, личные дела офицеров, красноармейские книжки и другие документы того времени.

Каждый день к нам приходит около трех тысяч писем,— продолжает Н. И. Луцев.— В прошлый год, год 40-летия Победы, архив получил около миллиона писем. К сожалению, мы не успеваем рассмотреть этот поток, не хватает сил и возможностей вовремя ответить. Это очень ответственная и кропотливая работа — подготовить одну короткую архивную справку,

крывается тяжелая металлическая дверь. Огромный зал, поперек которого несколько коридоров, заполненных стеллажами. На стеллажах, словно соты, картонные коробки, в них-то и хранятся документы-реликвии. Все предусмотрено, чтобы сберечь подлинники: определенная температура, влажность. Аккуратно подшитым листам нужен воздух, и поэтому в каждой коробке хранится не более двух-трех дел. Сберечь документы — целая наука.

Здесь я встретилась с Галей Тарасовой. Шесть лет назад пришла она в архив после школы. Заканчивает заочно историко-архивный институт. Недавно, в апреле, стала кандидатом в члены партии.

— Наш отдел — особый. Называется он отдел безвозвратных потерь. Здесь хранятся материалы о погибших в годы войны,— рассказывает Галя.— Сколько работаю, а не могу спокойно читать эти письма. Вот у меня письмо Михаила Александровича Кирюхина: «Хочу поклониться отцу. Напишите, где он погиб, где похоронен...» По документам я установила, что сержант Кирюхин погиб 8 августа 1943 года и похоронен в деревне Хотиловка Спас-Деменского района. Мы обязательно свяжемся с Калужским облвоенкоматом, попросим установить, в каком состоянии находится могила солдата. Живет еще война во многих семьях...— Галя заторопилась: поступило много за-

научные разработки и исследования. Взять хотя бы многотомные капитальные военно-исторические труды — «История второй мировой войны 1939—1945 гг.», «Советская военная энциклопедия», «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.» или такие издания, как «Великая победа на Волге», «Битва под Курском», «Последний штурм». Разработаны они на документальной базе архива. Ни одно историческое исследование, ни одна книга, связанные с военными событиями, не могли быть написаны без его материалов.

Ныне Центральный архив Министерства обороны СССР отмечает свое пятидесятилетие: начинал он свою жизнь по приказу Наркома обороны СССР, подписанному 2 июля 1936 года. Сейчас архивный городок утопает в зелени разросшихся лип и вязов. Но строгие его корпуса еще помнят войну: здесь размещалось артиллерийское училище, отсюда подольские курсанты выступили на защиту Москвы.

Так хранятся документы. Галя Тарасова помогла многим установить судьбу близких.

Старший сержант Вадим Михайлович Вульф. Отзовитесь, его однополчане!

— В первую очередь надо обратиться в военный комиссариат по месту жительства, а потом уже к нам, в архив. Объясню, почему. Люди, воевавшие тогда, уже, как мы говорим, в годах. Многое не помнят, иногда не знают, как составить запрос. К примеру, напишут нам: «Я служил в 57-м полку, подтвердите...» А в каком году и в каком полку — связи, инженерном, стрелковом? Да и подчиненность не укажут. В таком случае не можем мы выслать справку. А в военкомате знают, что надо указать данные о месте и времени службы, роде войск, действительное или условное наименование части. Да и на многие вопросы ветеранов военкомат может ответить тут же, на месте. Если не сможет, то он сделает в установленном порядке запрос к нам, в архив.

Хочу еще сказать читателям вот о чем. Если в годы войны бывший военнослужащий воевал в нескольких воинских частях, то ему достаточно подтвердить службу только

которая даст право получить удостоверение участника войны, положенную награду, увековечить имя погибшего на обелиске, а порой обрести большее, чем жизнь,— честь и имя гражданина своей Родины.

Не могу не отметить высокие профессиональные качества наших сотрудников. Архивная работа — специфическая. Если полюбил ее, то на всю жизнь. Как И. В. Шаталов, И. Н. Смольников, Д. И. Зобков — заведующие архивохранилищами. Как старшие научные сотрудники С. П. Абрамова, Л. И. Смирнова, Р. И. Мухарлямова. В 1948 году, сразу после окончания историко-архивного института, пришла в архив В. А. Кеменова. Знает все стадии работы. Помогала подбирать документы маршалам Г. К. Жукову, А. И. Еременко, К. С. Москаленко, другим военачальникам. И таких людей — ветеранов архивной науки у нас много...

Вместе с Н. И. Луцевым подходим к хранилищу. Набран шифр, и от-

просов из приемной. Люди ждут ответа...

Сегодня в приемной архива особенно много посетителей: ветераны возвращаются после традиционных майских встреч с однополчанами. Генерал-майор запаса В. Д. Чугунов пришел сюда, чтобы помочь подтвердить военную службу в 128-й стрелковой дивизии М. В. Рубцовой и Е. С. Черепановой. Разыскивает правительственную награду рядовой В. А. Нечмирев. На Карельском перешейке в октябре 1941 года был ранен Ф. О. Минаев, и случилось так, что документы, подтверждающие службу в действующей армии, не сохранились. Полковник М. И. Богданов уточняет сведения, составляет запрос. В хранилищах сотрудники поднимут папки с документами воинских подразделений, чтобы как можно скорее, сегодня же, выдать архивную справку.

Я уже знаю, что справочная работа — только одно направление деятельности архива. Другое —

Пока я знакомилась с архивом, Василий Васильевич Тараканов, ветеран войны и труда — работает он здесь без малого сорок лет,— принес ответы на запросы читателей «Огонька». Нам хочется, чтобы вы, дорогие читатели, знали имена тех, кто оперативно отвечал на ваши письма: полковник В. П. Назаров, подполковник Ю. Б. Дубенский, Н. Ф. Русецкая, Е. В. Захарова, М. Н. Ситникова, Н. П. Перелыгина, Т. Е. Катерская.

И теперь можем сообщить Ю. А. Евлампиевой, с письма которой мы начали сегодняшний разговор, что ее муж политрук Евлампиев Андрей Григорьевич, как установлено по документам 815-го полка 394-й стрелковой дивизии, похоронен в горах Клухорского перевала, где его часть вела жестокие бои с фашистской дивизией «Эдельвейс».

И. В. Саюку, написавшему нам из села Красное Винницкой области, уже подготовлена архивная справка, подтверждающая его службу в действующей армии, и

теперь он получит положенные ему по праву награды.

По просьбе москвички М. И. Вульф в архиве нам разыскали сведения о ее сыне, который погиб 5 мая 1945 года и похоронен на воинском кладбище в польском городе Цыбинка. Старший сержант Вадим Михайлович Вульф воевал в 97-м отдельном самоходно-артиллерийском дивизионе 95-й стрелковой дивизии, был механиком-водителем. Накануне Дня Победы Мария Ивановна пришла в «Огонек» с похоронкой и фотографией Вадима. Публикуя эту фотографию, мы обращаемся к его однополчанам: отзовитесь, напишите солдатской матери, как воевал, как погиб ее сын.

Но не все может архив. Бессилен он помочь, если в грозную военную пору не поступили документы из воинских частей. Нет в архиве сведений о пропавшем без вести в 1942 году рядовом Шевырине Иване Павловиче, призывавшемся Нытвенским райвоенкоматом Пермской области. Письмо его дочери мы поместили в начале публикации. Редакция обращается к его однополчанам: отзовитесь! Откликнитесь и однополчане Сергея Николаевича Савицкого из Челябинска, о котором тоже не поступили сведения. В 1943 году Сережа Савицкий был взят на воспитание воинской частью. Совсем мальчишкой в румынском городе Мизил был награжден медалью «За победу над Германией». «Номер своей части не помню, но хорошо помню, как называл меня ласково сынком младший лейтенант Сюртуков Сергей Иванович, с которым мы вместе служили в одном танковом полку»,— написал нам С. Н. Савицкий.

Бесценную работу ведет архив, восстанавливая имена неизвестных солдат. Вот история одного поиска.

...Есть в Чехословакии маленький городок Добшина, который не на всякой карте сыщешь. Каждый день проходил школьник Любомир Ямбрих мимо дома, на стене которого сохранилась надпись: «Проверено. Мин нет. Громов». «Кто же этот минер?» — пишет мальчик. И вот по оперативным сводкам, боевым донесениям, отчетным картам старший научный сотрудник архива В. А. Сутулов установил, что Добшину освободили 27 января 1945 года войска 2-го Украинского фронта. Разминировал 206-й отдельный отряд разминирования, обезвредивший здесь 218 мин. Пришлось исследовать целые тома документов части для ответа Любомиру. Смотрю на пожелтевшие от времени листы: в должности помощника командира взвода проходил службу старший сержант Громов Василий Иванович. Других Громовых в списках не значилось. Сообщаем читателям известные нам сведения: Громов Василий Иванович родился в 1900 году в Ростове-на-Дону. Окончил строительный техникум, отличный минер, отличный сапер. В 1945 году был демобилизован. Уехал в Ленинград.

Жив ли сейчас Громов? Если читают эти строки его дети, пусть тоже отзовутся. Напишут в «Огонек» о дальнейшей судьбе своего отца, который освобождал чешский городок.

Нужно, чтобы все, кто проходит по узкой улице Добшины, знали, что подпись эта принадлежит не неизвестному солдату, не безвестному Громову, а советскому сержанту Громову Василию Ивановичу. «Придет день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю,— писал Юлиус Фучик, соотечественник школьника Любомира Ямбриха.— Я хотел бы, чтобы все знали: не было безымянных героев. Были люди, у каждого свое имя, свой облик, свои чаяния и надежды...»

И по сей день не молчат документы архива, помогая находить имена тех, кто не дошел с нами до Дня Победы.

ГДЕ ПОЛУЧИТЬ СПРАВКУ ОБ УЧАСТИИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Дорогие ветераны! По вашим многочисленным просьбам сообщаем адреса учреждений, где можно получить необходимые справки. Напоминаем, что предварительно нужно обратиться в военные комиссариаты по месту жительства, где вам помогут правильно составить запрос.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР: 142100, Подольск Московской области. Здесь хранятся документы воинских частей и учреждений Советской Армии с 1941 г.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОЕННО-МОРСКОЙ АРХИВ: 188350, Гатчина Ленинградской области.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ СОВЕТСКОЙ АРМИИ [125212, Москва, ул. адмирала Макарова, 29] хранит документы Советской Армии с 1918 по 1940 год и документы внутренних войск НКВД за годы Великой Отечественной войны.

ВОЕННО-МЕДИЦИНСКИЙ МУЗЕЙ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР: 191180, Ленинград, Лазаретный переулок, 2. Здесь можно получить документы о ранении и контузии в годы войны.

ПАРТИЗАНАМ, ПРИНИМАВШИМ УЧАСТИЕ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ, необходимо обращаться в партийные архивы при областных комитетах партии, на территории которых действовал партизанский отряд.

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ВЕТЕРАНОВ ВОЙНЫ: 121019, Москва, Гоголевский бульвар, 4. Сюда вы можете обратиться с просьбой о розыске однополчан.

Белая скатерть

БЫЛЬ

Ал. ПУШКИН

Автономное плавание подходило к концу. Дизельной подводной лодке осталось пополнить запас топлива, а там можно ложиться на курс к родным берегам. В полдень лодка всплыла для встречи с танкером. Ветер стих до четырех баллов, но крупная зыбь сильно кренила корабль.

Моряки, сменившись с вахты и перекурив в дизельном отсеке, шли в старшинскую кают-компанию на чашку кофе. За стол, как правило, не садились. Пили терпкий напиток стоя и вели разговоры о походе, прикидывали, будут ли до конца года учения.

Лишь старшина 1-й статьи Борис Хмельницкий молчал в сторонке. Он комкал пилотку, а на душе грусть — его служба закончится с приходом в базу. Хотелось в последний раз на всех насмотреться. Вообще-то он мог бы уйти с лодки еще перед походом, как и его друзья-одногодки. Но случилось непредвиденное: молодой водолаз, прибывший из учебного отряда, попал в госпиталь, и пришлось сходить еще в одну «автономку».

В кают-компанию вбежал старшина 2-й статьи Иван Леонов. Поискал глазами Хмельницкого и протиснулся к нему.

— С тебя причитается! — весело сказал он.— Все будет честь по чести. Договорился с ребятами из бэче четыре насчет «Славянки».

— Спасибо, Ваня. Это по-флотски.

— А ты разве сомневался?

— Да нет. Но все же непривычно, когда в твою честь заказывают музыку.

«Славянка», как называют моряки «Прощание славянки»,— самый популярный марш на кораблях. Когда это было узаконено, никто не знает, но традицию свято берегут и передают ее из поколения в поколение: под «Славянку» экипаж прощается с товарищами, которые своими ратными делами оставили в их памяти добрый след и навсегда сходят с корабля на берег. Иногда перед уволенными в запас на трапе выстилалась белая скатерть — это издавна считается символом чистой совести и пожеланием такого же светлого будущего.

После кофе многие моряки затопились в кино, а те, кто готовился заступать на вахту, отправились отдыхать. Хмельницкий подошел к койке, разобрал ее и лег. Перед глазами всплыл родной дом. Как обрадуются родители, братья, какая привольная наступит жизнь — без долгих вахт, тревог, без томящего однообразия кубрика.

Но мысли сбивались и на другое. Он подумал, что завтра придется навсегда проститься с кораблем, и вновь стало тоскливо. Вспомнил, как он пришел на подлодку, молодой, никогда не видевший моря. Вспомнил свой первый боевой поход, когда заходилось сердце.

...Сигнал учебной тревоги — и подводники заняли места по отсекам.

Недалеко от лодки лежал в дрейфе танкер. С шумом разбивались волны о низкие борта подводной лодки. Пенистые валы то и дело перекатывались через палубу, а кормовая надстройка вообще уходила в воду до самого аварийного буя.

Туда-то и направилась швартовая команда во главе с помощником командира. Два моториста, обвязавшись концами, быстро установили рожок для приема топлива. Тем временем на танкере вывалили за борт стрелу с подвешенной к ней бухтой шланга. С судна раздался выстрел из линеметателя — и серебристый капроновый линь упал на кормовую надстройку. Дружными усилиями швартовая команда вытащила на палубу стальной трос со шлангом. Его быстро закрепили, и прозвучала команда: «Начать подачу топлива!»

Передача топлива уже подходила к концу, как вдруг послышался резкий удар по надстройке. Лодка вздрогнула. При очередном рывке трос не выдержал напряжения и лопнул вместе со шлангом.

Вызванная наверх швартовая команда успела ухватиться за обрывок стального троса. Промокшие до нитки люди пытались вытянуть его то с правого, то с левого борта, но их усилия были безуспешны.

Обстановка сложилась серьезная. Командир забеспокоился, не намотало ли трос на винт. В таком случае давать ход нельзя. Как же поступить? Есть, конечно, выход: дать семафор на танкер, завести буксир. Но ведь обидно! Весь поход прошел прекрасно, и вдруг возвращаться на буксире. Позору не оберешься!

Нет, надо освобождать винт.

— Старшине 1-й статьи Хмельницкому приготовиться к спуску под воду. Страхующим водолазом пойдет Леонов,— приказал командир.

Когда Хмельницкий начал осторожно спускаться за борт, набежавшая волна сбросила его с корпуса. Теперь над водой виднелись только шлем и маска. Прошло несколько секунд, и голова старшины скрылась. Наступил самый ответственный момент. Водолаз должен добраться до винтов и осмотреть их. Малейшая неосторожность — и волна ударит его о корпус. Все, кто был на мостике, напряженно вглядывались в сторону плясавшей в бушующей воде кормы. Но там никого не было видно. Минуты казались вечностью.

— Включить прожектор! — крикнул командир.

Вскоре в белесом овале света показалась резиновая маска.

— Ну как? — с тревогой спросил командир, когда водолаза с трудом вытащили на палубу.

— Все в порядке. Трос можно выбирать.

* * *

День в базе начинается с подъема флага.

Без четверти восемь палуба плавбазы ожила от черных матросских шинелей. Разобрались по экипажам, подравнялись, начались обычные проверки и доклады.

Вскоре появился командир. Выслушал рапорт дежурного, поздоровался, неодобрительно поморщился на левый, запоздавший с приветствием фланг.

— На флаг — смирно! Флаг поднять!

И тотчас, отбивая полную вахту, мелодично ударили склянки.

Командир осмотрелся и скомандовал:

— Старшина первой статьи Хмельницкий, выйти из строя! Товарищи! Мы провожаем в запас одного из лучших наших моряков, Бориса Хмельницкого. За три года службы он сделал очень много для поддержания высокой боевой готовности своей лодки и всего нашего соединения. От имени командования соединения награждаю старшину первой статьи Хмельницкого именными часами и выражаю уверенность, что он и в дальнейшем не уронит высокого звания подводника-североморца.

Командир вручил часы, пожал руку и добавил вполголоса:

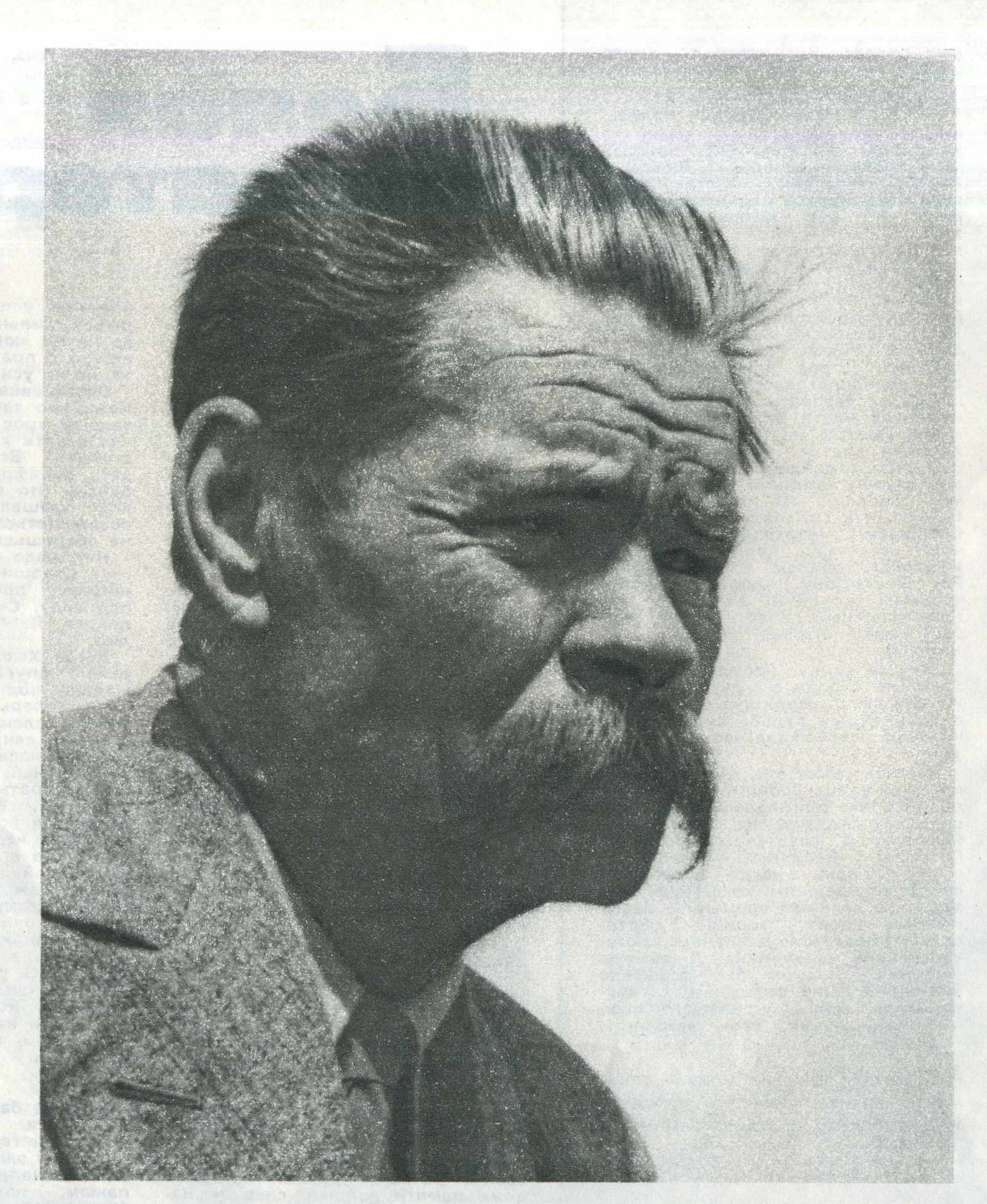
— Счастливого пути, Борис, в океане по имени Жизнь.

Хмельницкий хотел ответить, но сразу не нашелся и очень обрадовался, когда откуда-то сверху выплеснулись первые аккорды «Славянки». Тут-то и случилось то, чего он меньше всего ожидал. Иван Леонов скользнул к трапу и, вытащив из-за пазухи сверток, раскатал на пути Хмельницкого белую скатерть.

Борис — ни с места. Взглянул на командира. Однако тот, не растерявшись от матросской самодеятельности и не выдав замешательства, сделал Хмельницкому знак рукой. Над строем пронесся одобрительный вздох.

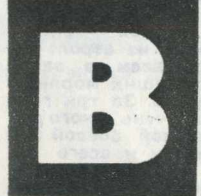
Скатерть-самобранка на трапе напомнила Хмельницкому родной дом, мать, накрывавшую обеденный стол, когда провожали его на службу. В душе всплеснулась щемящая боль разлуки, к горлу подступил комок, на глаза навернулись слезы. И под величавую мелодию «Славянки» он сошел по белой скатерти на берег...

18 июня 1986 года исполняется 50 лет со дня смерти Алексея Максимовича ГОРЬКОГО, великого русского советского писателя. Публикуем материалы, знакомящие с неизвестными фактами жизни и творчества Горького.

А. М. Горький. 1928 год. Фото С. Коршунова

НОВОРОССИЙСКАЯ НАХОДКА

В квартире, которую я отыскал по указанному в письме адресу, было светло и уютно. Стройные ряды книг на полках, теплота, излучаемая большими глазами седоголовой хозяйки,— все тут настраивало на доверительную волну, и наша беседа как-то незаметно уступила место рассказу, искреннему, любопытному.

Да, Евгении Александровне было что рассказать и показать. Она прожила долгую жизнь, пронесла через нее горячую любовь к литературе.

Очень давно это началось — сперва любовь к красивой сказке, потом к сильной поэзии и, наконец, к строгой прозе. Отец работал на маяке за Керчью, дружил с рыбаками. Как-то во время шторма трое из них погибли, и девятилетняя девочка, потрясенная этим, написала свое первое стихотворение.

Шли годы. Девочка стала взрослой, вышла замуж за лесничего, переехала в лесничество города Кропоткина.

— Жили мы хорошо, дружно,— не торопясь вспоминала Евгения Александровна.— И все же я слегка грустила: моря не было рядом. Я уходила в лес, что-то писала о старом дубе, о незаконных порубках. Их совершали обитатели хибарок, рассыпанных на пригорке вдоль железной дороги. Работники лесничества поймали одного из них, отобрали «вещественное доказательство» — топор, ржавую пилу со сломанными зубьями и веревку, составили акт. А вечером во дворе яростно залаяла собака, и я вышла на крыльцо нашего дома. За невысоким забором стоял тот нарушитель, у которого отобрали «вещественное доказательство». Стоял и смотрел на брошенный у сарая нехитрый инструмент. Я подала ему топор, пилу и веревку. Он прижал к груди это свое добро и зашагал прочь.

Случай этот лег в основу маленького рассказа «Обыск». Я послала его на суд Алексея Максимовича Горького и очень быстро получила от него ответ.

Евгения Александровна протянула письмо, написанное характерным, известным теперь миллионам читателей почерком. Вот оно:

«Е. Казориной.

Очерк Ваш я послал в журнал «Работница»: может быть, его напечатают там.

Очень советую Вам сделать вот что: опишите день жизни в г. Кропоткине, весь день с утра до ночи, со всем его серьезным и со всеми пустяками, не замалчивая дурного, но предпочитая изображать хорошее, ибо оно поучительнее и ценней дурного.

Напишите и пошлите рукопись мне, она покажет, насколько Вы способны к работе литератора. Имейте в виду, что работа эта — очень трудная, кропотливая, требует полной искренности и не терпит лжи.

Очерк Ваш — слабоват, а письмо говорит о Вашей грамотности и впечатлительности.

Привет.
А. Пешков

3. VII. 31 г.».

Казорина прислушалась к советам Алексея Максимовича. Она написала очерк под названием «Кубань разыгралась».

И опять ответ не заставил себя ждать. Редактируя рукопись молодого автора и давая советы, Горький написал:

«Вам следовало показать утопленника, испуг казака, который увидел его, толпу на берегу Кубани, разнообразие ее отношения к бессмысленной работе стихии: одним хочется, чтоб победила она, другие уверены, что победят они, третьи не знают, что им хотеть. Надо было показать, как река слизывает, обкусывает берег, вырывает с корнями кусты, как плывут они и всякое другое. А основной упор рассказа — на борьбу рабочих против стихийной дурацкой силы, не взнузданной воды, затем — их победа, радость, гордость.

Вот — сядьте-ка да сделайте это и пришлите сделанное мне, а я Вам еще раз испорчу, так Вы и научитесь писать. Идет?

М. Горький

17. VII. 31 г.

P. S. Следите за простотой, за точностью и ясностью языка. Чтобы все было четко, чтоб каждую вещь, каждого человека читатель пощупать мог. Это — трудно, но именно этого надо добиваться.

А. П.»

Бережно держал я в руках горьковские письма и слушал Евгению Александровну:

— Узнала, что заболел сын Алексея Максимовича, и сама прекратила переписку... Нет, никто не захотел бы помочь мне стать на трудную дорогу так чутко, так человечно. А он захотел. Смерть помешала ему это сделать... Да и у меня все осложнилось болезнью матери и мужа. Пришлось оставить занятия литературой. Но любовь к ней не покидает меня. После войны переехала к морю — в Новороссийск. Много лет работала на стройках, в хорошем коллективе. Когда уходила на пенсию, товарищи по работе посадили у окон моей квартиры две вишни. Сказали: «Никогда вы нас не забудете. Зашумят под ветром — нас вспомните. Чай будете пить с вареньем — тоже нас вспомните...» Выросли, стали большими эти вишни...

Евгения Александровна Траилина (фамилия Казориной по второму мужу) умолкла, задумалась. Я смотрел на нее и радовался: разные люди сказали мне о ней много хорошего. Корреспондент Алексея Максимовича Горького, она стала страстным пропагандистом книги.

— Ну, а теперь,— сказала Евгения Александровна,— хочу передать эти письма вам в качестве моего личного дара...

Откровенно говоря, я смутился. Преодолев смущение, сказал, что письма эти бесценны, им место не в частной коллекции, а в архиве великого писателя.

Здесь, наверное, надо заметить, что в ту пору я работал ответственным секретарем редакции газеты «Новороссийский рабочий», возглавлял Новороссийское литературное объединение. Однажды в почте, адресованной мне, было не совсем обычное письмо. Незнакомый и, как мне показалось по почерку, очень немолодой человек настоятельно просил меня зайти к нему домой. При первой же возможности я это сделал. И вот — встреча с Евгенией Александровной, ее рассказ, неизвестные письма Горького...

Я передал эти письма туда, где они должны быть по праву,— в Архив Горького при Институте мировой литературы Академии наук СССР. Там, конечно же, обрадовались новороссийской находке.

Недавно, когда я готовил этот материал к печати, заведующая архивом Серафима Сергеевна Зимина сообщила мне, что найденные письма Горького к Е. А. Траилиной-Казориной будут опубликованы в одном из томов эпистолярного наследия великого писателя.

Геннадий ГИТМАН,
член Союза журналистов СССР

М. МИНОКИН,
доктор филологических наук

Письма сподвижника Горького

Публикуемые ниже письма Ивана Егоровича Вольнова (1885—1931 гг.) к жене Марии Михайловне отправлены писателем в 1928—1929 годах. Автор известной перед революцией «Повести о днях моей жизни», издавший в 1917 году повесть «Юность», которую читал В. И. Ленин, Вольнов в середине 20-х годов написал повесть «Встреча» — произведение о гражданской войне в Поволжье. События, легшие в основу сюжета, автор хорошо знал, так как в 1918 году вместе с Новиковым-Прибоем и сыном Горького Максимом Алексеевичем ездил в Сибирь за хлебом и в Самаре наблюдал «деятельность» Учредительного собрания. В прошлом Вольнов состоял членом партии эсеров, но после Великого Октября порвал с ними. Окончательно избавиться от сомнений писателю помог В. И. Ленин.

В сложной военной обстановке (с юга на Москву двигались полчища Деникина) местные власти (писатель жил в селе Куракино Орловской губернии) арестовали Вольнова, но в дело вмешались Ленин и Горький. Горький телеграфом сообщил Владимиру Ильичу об аресте Вольнова, Ленин распорядился освободить писателя. 14 апреля 1919 года он телеграфирует Горькому в Петроград: «Председатель орловской следственной комиссии Чужинов телеграфирует мне, что Иван Вольный временно освобожден до разбора дела».

Вольнов был признан невиновным, его освободили, и он приехал в Москву, где и встретился с Лениным. Об этом читателю известно из очерка Горького «В. И. Ленин», а более подробно из воспоминаний В. Д. Бонч-Бруевича. Во время двухчасовой беседы в Кремле Владимир Ильич, выслушав сообщение о злоключениях Вольнова, посоветовал писателю второй раз поехать в Поволжье в составе санитарного отряда, помогавшего населению бороться с тифом и голодом. Там он и познакомился с Марией Михайловной, своей будущей женой.

В 1920 году санитарный отряд во главе с его начальником Вольновым перебросили на Западный фронт, где Красная Армия отражала наступление белополяков.

После окончания гражданской войны Вольновы возвратились в Куракино, где Иван Егорович взялся за организацию сельскохозяйственной артели, позднее превращенной в колхоз. Изредка ему удавалось вырваться в Москву, повидаться с друзьями. Обычно он останавливался в доме Е. П. Пешковой (как и с Горьким, с Екатериной Павловной он познакомился в Италии, где находился после бегства из ссылки). В 1928 году Вольнов виделся с Горьким и Пешковой в Москве; Алексей Максимович, уезжая осенью на лечение в Италию, пригласил к себе Вольнова. Иван Егорович провел в Сорренто зиму 1928/29 года, он часто бывал на вилле Горького Иль-Соррито, общался с членами его семьи, вместе с ними он и сфотографировался в марте 1929 года. Это фото передал нам сын писателя — И. И. Вольнов.

Одно письмо он написал жене из Москвы перед отъездом в Италию, другое прислал из Сорренто.

«Москва, 21 сентября 1928 г. Утро.

Нынешнее кофейное утро, на котором присутствовали Скирмунт, Макс, Екатерина Павловна и я, было посвящено издевательству надо мной по поводу заметки в нынешнем номере «Известий» о журнале «Наши достижения» и об «образце», как следует писать статьи в этот журнал. Оказывается, вчера после моего ухода у Алексея Максимовича были гости, и он мучил их, читая мою статью. Единогласно решили и постановили (после тщательного и злого обсуждения), что в недалеком будущем меня ждет одинаковая участь с Асеевым и «Разгримированной красавицей», что надо исподволь готовиться к этому и потом мужественно перенесть грядущее несчастье разочарованности. Сейчас мне пришло в голову: своей статьей «Две книги» и последующей «ведомственной перепиской» с Асеевым Алексей Максимович непроизвольно оказал большую материальную услугу Асееву: всякий, кто не читал «Разгримированной красавицы», которую дважды разгримировали — Асеев и Горький, побежит в книжную лавку покупать, а Асееву прямой доход,— поистине: не бывать бы счастью, да скандал помог!

Екатерина Павловна сегодня с особым вниманием и почтением подавала мне кофе, учитывая обстоятельства, я «во всей полноте» пользовался своим блестящим положением, стараясь как следует провести его, ибо неизвестно, сколь долго продолжится мое отменное амплуа.

Ныне познакомился с академиком Ольденбургом, лукавым и умным царедворцем. Очень картинно и остро ему рассказывал Алексей Максимович о том, как его встречали на Руси, когда он в июле путешествовал по ней. Потом приглашала какая-то дама-скульпторша с мешком глины, будет завтра лепить Алексея Максимовича. И — все на сегодня. Я хорошо работал. Опять пишу статью. Судя по началу, она должна быть удачной: спокойно, без сбоев. Чувствую себя лучше, рабочее (так нельзя говорить?), хорошо настроен, потому что не сдержал слова и не пошел, как условились, к человеку, назначившему мне встретиться. Не пошел потому, что будет (там) скучно. Я вообще избегаю встреч всяких. Будьте здоровы!

Твой ИВАН».

«31 марта 1929 г. Сорренто.

Поздравляю тебя с весенним праздником! У нас уже жарко. И я так почти не выходил никуда, а теперь прячусь, как ящерица от мух. Только что возвратился из Рима. Ездили туда втроем: Максим, Илья и я на автомобиле — встречать Екатерину Павловну. Очень устал, либо обожгло солнцем, запылился, как трубочист. Предполагаемого удовольствия не получил: Максим так гнал машину, что в пору было только трястись от страха. Ехали по 130 километров в час — в открытой машине, так что уши болели от напора воздуха. Конечно, люди и окружности мелькали, как вода в шлюзах. Приехали усталые, а утром выехали домой. Мне даже не удалось послать тебе открытку. Урвал лишь один час и показал Илье форум, Колизей, замок св. Ангела, храм Петра, площадь Колонны, Капитолий и Монте Пинчио. И с такой же быстротой возвратились обратно.

Екатерина Павловна приехала совершенно больная — лежит. На пасху жена Максима подарила мне свой портрет и убийственный галстук: уверен, что надень этот галстук не только я, но и всякий, даже препаршивый мужчина, ты не устоишь.

В нашем полпредстве отыскал свои рукописи. Большинство их оказалось неинтересными, но дватри рассказа можно использовать, все остальное (письма Алексея Максимовича, Короленко, Коцюбинского, Миролюбова) погибло, но не в полпредстве, а в Неаполе у мадамы,— это ужасно расстроило меня. Там были дневники мои, черновики «Повести о днях моей жизни» с пометками Алексея Максимовича, очень много фотографических карточек (...)

Ну, будьте здоровы и благополучны.

ИВАН».

А. М. Горький и И. Е. Вольнов в Сорренто. Апрель 1929 года.

ПРИМЕЧАНИЯ: Горький в статье «Две книги» подверг критике путевой очерк Н. Асеева «Разгримированная красавица» за неточности в описании Италии. Скирмунт — друг семьи Пешковых.

Илья — сын Ивана Вольнова от первого брака. Когда Вольнов в 1917 году вернулся в Россию, Илья с матерью временно остались в Неаполе. Горький помогал Илье получить образование. Окончив университет, Илья Иванович приехал в СССР, участвовал в Великой Отечественной войне. Ученый-химик.

Эди ОГНЕЦВЕТ

Грядущему ВЕКУ

Каким ты будешь,
двадцать первый век?
Певучим садом станешь
или адом?
И слово «век»
со словом «человек»
Уж некому поставить будет
рядом?..
О нет!
Я верю в правду и прогресс.
Жизнь победить не смогут
динозавры!
В грядущий век войдет зеленый
лес,
Войдут цимбалы,
скрипки
и литавры!
Земля дышать не может
без людей,
Без запаха цветущей ржи и сена...
Грядущий век сотрет из словарей
Слова «война», «стяжательство»,
«измена»!
За это мы прошли через Хатынь,
Блокаду,
голод,
страшный шквал металла...
Грядущий век!
Прошу тебя,
отринь
Все,
что людей
в уродов превращало!
Прими от нас, грядущий светлый
век,
Все лучшее, что было в человеке!
Пусть слово «век» со словом
«человек»
Поэтами
рифмуется
вовеки!

В ТОМ ИЮНЕ

Это быль, а не злая небыль.
Я воочью видела это!..
Полыхают хаты,
и в небе
Туча черная, без просвета.
Толпы беженцев на дороге.
Старцы. Женщины. Ребятишки.
Догоняет их зверь двуногий
Лютым рыком фугасной вспышки.
Небо воет,
ревет,
грохочет
Сталью бреющего полета,
И хохочет фашистский летчик,
И по людям — из пулемета!..
И, от пуль меня заслоняя,
Мама мчится со мною к житу,
Только просит:
«Не плачь, родная!»
Кулаком грозит «мессершмитту»:
— Мы вернемся!
Мы лежим в придорожном жите.
И внезапно в небе над нами
Краснозвездный наш истребитель,
Словно сокол, сверкнул крылами!
Он — один,
«мессершмиттов» — стая!
Он в атаку пошел бесстрашно.
И один за другим, пылая,
«Мессершмитты»
врезались в пашню!
Все вскочили
И, словно дети,
Замахали ему руками.
Тучу дыма развеял ветер —
Синь открылась под облаками.
Отступили враз наши беды,
Хоть тогда мы еще не знали,
Что прообраз самой Победы
В храбром соколе повстречали.
Как разлуки белый платочек,
Скрылось облако за холмами,
И крылом опаленным летчик
На прощанье качнул над нами:
— Мы вернемся!

Один сказал мне:
— Вы не молодица,
И нечего мечтать и молодиться!
Другой сказал:
— Всему своя пора,
Переходить на прозу вам пора!
Но есть душа! И спорить с ней
напрасно,
Хоть я пыталась спорить с ней
стократ.
А ей, душе, не все до точки
ясно —
Никак ее не тянет в листопад!
Советчик мой, я знаю: вы мудрец.
Корить меня имеете вы право.
А вам
не хочется промчаться на заре
По росным травам?
Неужто глухи стали ко всему,
Что вечно вновь
сердцу моему?

ДВА ЭТАЖА

На втором этаже человек умирал...
Мне казалось,
и я вместе с ним умираю.
Задыхаюсь в бреду.
И к нездешним мирам,
Хоть не верю я в них, улетаю...
Все обиды покинули душу мою.
Песню слышу я,
песню о печурке той тесной!
Пусть сегодня я ранена насмерть
в бою,—
Я — пехота. И, значит, воскресну!
На втором этаже человек умирал...
А на первом
родился мальчонка.
И, как водится, громко и звонко
орал,
Даже стекла трезвонили звонко.
Колыбельная тихим ручьем
полилась,
Отвергая печальные даты.
Мне дышалось легко, будто вновь
родилась:
Жизни, радости —
край непочатый!

Перевел с белорусского
В. ТАРАС.

АДРЕС «ЭЛЕКТРОНИКИ» - ЛИТВА

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

На XXVII съезде КПСС говорилось о создании межотраслевых научно-технических комплексов — МНТК, призванных ускорить реализацию научных достижений в народном хозяйстве.

Сегодня мы рассказываем о деятельности научно-производственного комплекса (НПК) «Электроника», что в Литовской ССР.

Как связать фундаментальную науку с поступательным движением экономики? В Литве еще пять лет назад решили эту проблему. И наилучшим образом: создали научно-производственный комплекс — НПК. В него вошли сначала два института Академии наук республики, два вуза, четыре отраслевых института и семь различных предприятий, ведомств. Потом их количество значительно выросло. «Электроника» — такое имя получила кооперация совместных действий, вскоре весомо заявила о себе. Только за первые два с половиной года научно-производственный комплекс выполнил более ста разработок, давших организациям, входящим в НПК, свыше пяти миллионов рублей экономии. Были также разработаны АСУ и микропроцессорные средства управления производством кинескопов на паневежском заводе «Экранас» и телевизионной аппаратуры на Шяуляйском телевизионном заводе имени 40-летия Советской Литвы. Разрабатываются средства повышения качества и технического уровня производства телевизоров, создаются специализированные интегральные схемы и полупроводниковые чувствительные элементы-датчики для станкостроительных и электротехнических предприятий; налаживается выпуск новой радиоэлектронной аппаратуры для медицинской диагностики. Совместными усилиями Института физики полупроводников, Института математики и кибернетики Академии наук Литовской ССР, отраслевых институтов и Шяуляйского завода телевизоров созданы микро-ЭВМ «Вильняле-2 и 3» с программным обеспечением. Эти машины уже работают в цехах предприятий.

Группа ученых и инженеров-разработчиков удостоена Государственной премии Литовской ССР за создание САПРов — систем автоматического проектирования.

Все отчетливее видна координирующая роль Академии наук республики по связи с производством. Сегодня любой прибор, как чисто технический, так и бытовой, замыкается на проблемы межотраслевые. К его созданию нередко надо привлекать не две и даже не три отрасли, а больше. Те же телевизоры, имеющиеся в каждом доме... Качество некоторых из них оставляет желать лучшего. Нужно менять конструкцию, переходить на интегральные схемы, и вот тогда выручает взаимодействие физиков и математиков, конструкторов и инженеров, технологов и проектировщиков.

Уже второй год «Электроника» имеет свой совершенно конкретный план производства. В нем все расписано: наименование изделия, разработчик, изготовитель, потребитель, количество изделий по каждому из семи научно-технических советов комплекса. Всего в нынешнем году будет разработано и осуществлено 23 изделия — от систем автоматического контроля и быстродействующих датчиков до мониторной системы и ритмоскопа. Медтехнике «Электроника» уделяет особое внимание. По идее, предложенной и разработанной в Институте биохимии Академии наук Литвы, создан прибор глюкоанализатор. С его помощью можно безболезненно и очень быстро определить содержание сахара в крови. Когда понадобилось реализовать идею, НПК «Электроника» подключила «Сигму», выпускающую вычислительную технику. Она взялась выполнить задание без централизованного плана сверху. В этом году будет сделано 68 глюкоанализаторов, в 1987-м — 870.

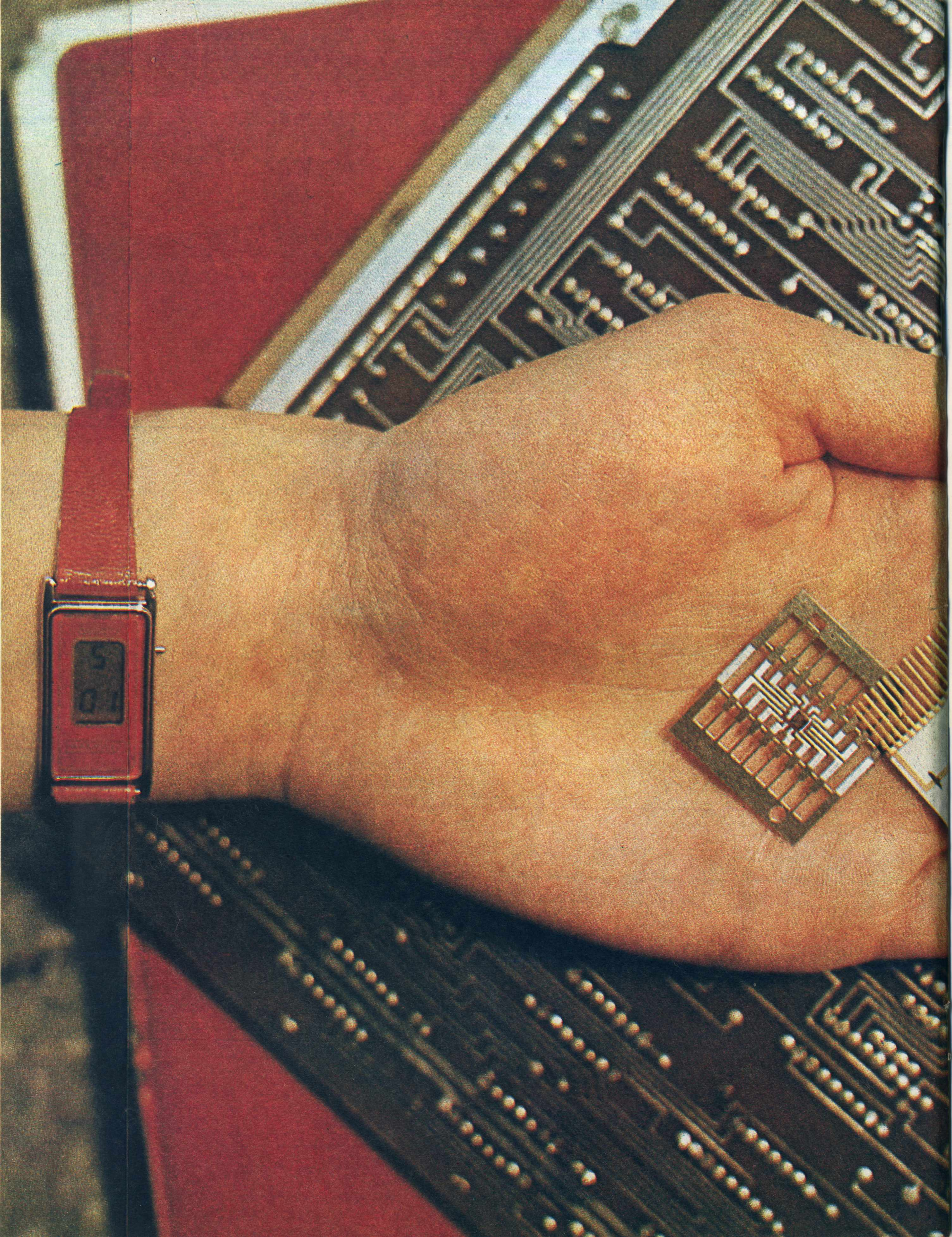
Вклад научно-производственного комплекса Литвы в ускорение научно-технического прогресса страны весом и значителен.

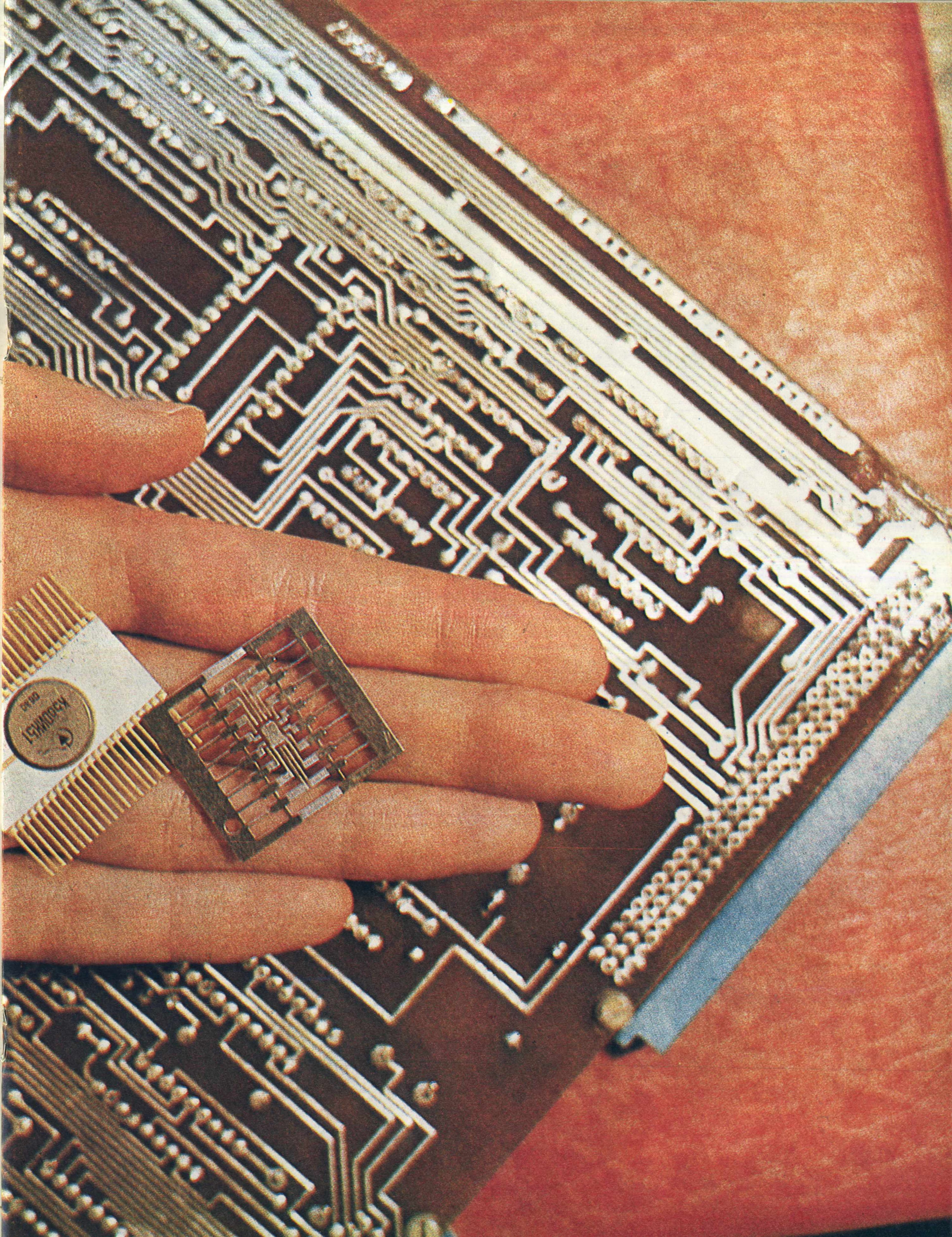
Г. ВЛАДИМИРОВА

На Каунасском радиозаводе внедрена система автоматизированного проектирования — САПР.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Познакомьтесь — большие интегральные схемы — БИСы.

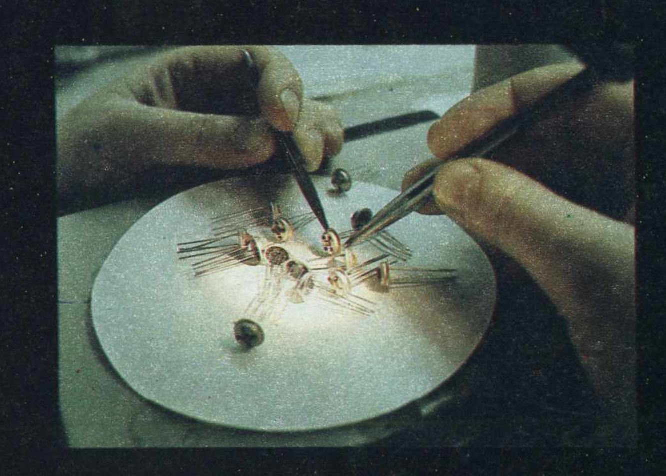

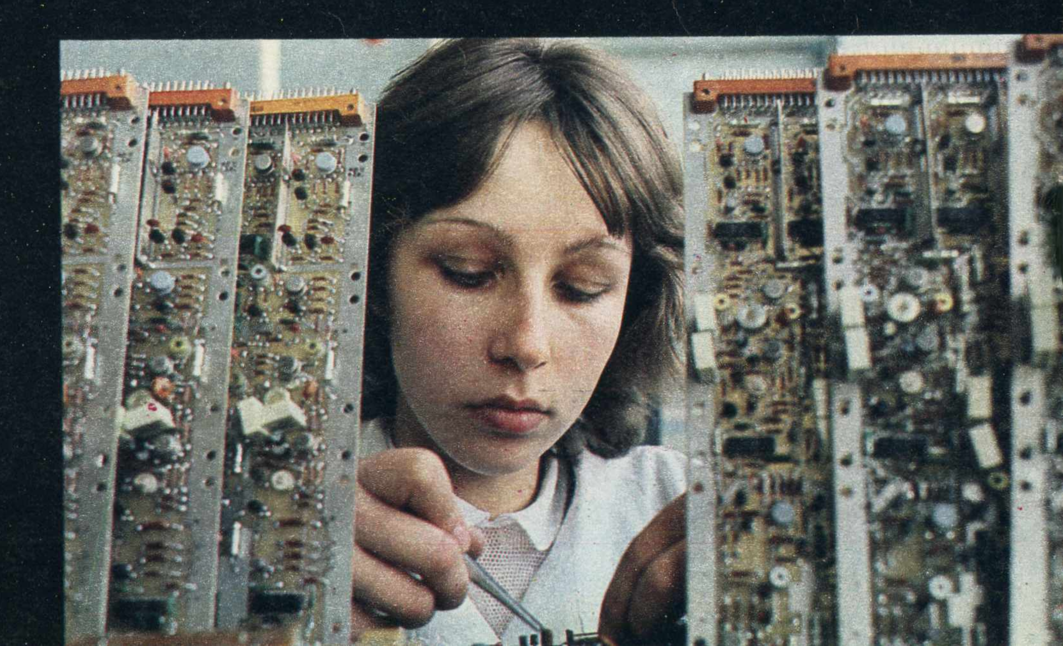

Валентин РАСПУТИН

КЯХТА

Размышляя о судьбе этого маленького городка с громкой славой, поневоле задаешься вопросом: а что было бы, не пойди направление кяхтинского купечества вот так, как оно пошло, когда богатство не впало в чванство и самодурство, не отворотилось от наук и искусств и умело даже и сквозь толстую мошну видеть российское неблагополучие. Разумеется, взгляд сквозь мошну был несколько смещенный, однако смелость, самостоятельность, критический прищур отнять у него нельзя. Выручали образованность, знакомство с европейскими порядками, общение со многими передовыми людьми того времени. Кяхтинцы не раз без всякой опаски собирали деньги и высылали их Герцену на издание «Колокола». Через Кяхту переправлялась корреспонденция в Лондон, а из Лондона через Китай доставлялись номера журнала. Здесь не боялись открыто их обсуждать и передавать друг другу. То у Сабашниковых, то у Лушниковых постоянно устраивались литературные чтения. Крепкое положение и отдаленность, независимость от властей и вызывающая самость создали особый общественный климат с откровенно высказываемыми мнениями и взглядами, при котором высокомерие смешивалось с демократичностью, а здравый смысл с упрямством. Все было. Было, что один из самых больших воротил Кяхты, Н. Л. Молчанов, отправив ругательную телеграмму издателю «Московских ведомостей» Каткову за помещенную там какую-то глупость, шел после этого на репетицию самодеятельного театра разучивать роль рядом с учителем и конторским служащим. И было, что другой воротила, поговорив о Герцене, скупал билеты на представление приезжей труппы и раздавал их своей дворне отнюдь не из образовательных целей, а чтобы досадить «торгующему на Кяхте купечеству». Без всего этого и Кяхта была бы не Кяхта, а только одна вывеска. Но и при этом, при всем своем многоцветье и многотипье, при правилах и сопутствующих им исключениях из правил, она имела определенное лицо, и лицо это при толстых щеках выглядело значительным и культурным.

Но могла или не могла Кяхта при ином направлении и порядке местных вещей стать другим городом — темным, сытым и неповоротливым, каковых по матушке России водилось не так уж и мало? Отчего происходит, что неприметный по всем статьям, далеко отстоящий от больших дорог Минусинск издавна питается культурой, заводит богатые библиотеки и музей, выписывает лучшие издания, организует духовную жизнь, а город неподалеку, более богатый, выгодно стоящий и удачливый, тешится полусонным существованием, заглушая живую мысль тяжелой одышкой? Отчего? Не оттого ли, что в одних случаях единственным делом считается «дело», капитал, любым способом обогащение и материальное утверждение, а в других побеждает разумное мнение, что капитал не может существовать ради капитала, иначе человеку при капитале грозит перерождение в зверя. Логика настолько простая и верная, что на практике чаще всего оказывалась недосягаемой.

Меняются времена, меняются и нравы. Но даже и при самых больших социальных переменах человеческие нравы обладают способностью держаться основных своих законов и правил. Нынешние молодые города тоже имеют хозяев и обязаны появлением на свет одному или нескольким министерствам, осевшим в них со своим «делом». Между «торговавшим на Кяхте купечеством» и «хозяйничающим на Ангаре наместничеством» та связь, что от них почти в одинаковой степени зависит судьба вверенных им городов. И тут не лучше, чем в старину: кому как повезет. Оказались в Ангарске среди «купцов» культурные люди, с самого начала радевшие за его духовную доблесть, и не во вред, а лишь в пользу «делу» отмечен, как божьей печатью, Ангарск этой благородной славой. В Братске таких людей не оказалось — и романтическое еще недавно звучание города покрылось окалиной бесчувственного молоха. Во всякое время «дело», не сдерживаемое душой, не умеющее оглянуться на красоту и художественную выразительность мира, какими бы благими намерениями оно ни огораживалось, неизбежно придет к собственному выносу.

О Кяхте написано много, в течение почти двух веков она притягивала к себе запахом экзотики и богатства. Деньги не пахнут, пахнет употребление денег. Если человеку отдается вина первородности, то богатство тем более повинно в том, что оно богатство. Если бы не было бедности, оно, быть может, и не заметило бы себя, а при противоположном знаке нельзя не заметить. Отмаливая грехи, богатый человек обращается к богу и дает деньги на храмы, платит тем самым налог. Явно, однако, недостаточный, чтобы успокоить душу. Требуется что-то еще, что-то земное. Всех бедных не оделить, на это не хватит никаких барышей. И тогда в поисках примирения с действительностью, тщетных, конечно, поисках, богатый человек платит налог за свое мирское благополучие благополучию духовному, как он его понимает. Он строит школу или больницу, назначает стипендии ученикам, покровительствует людям не от мира сего — художникам, поэтам и актерам, видя в них какой-то смутный и непроявившийся, не доведенный до конца знак от всевышнего, находящийся на пути к отчетливому изображению, когда на нем выступят имена благодетелей. Это психология вины за богатство, если она есть, психология откупа. Тут важно «если она есть». Ее могло и не быть, чаще и от принятых в его обществе правил. Но если уж «есть», зачем же подозревать такую вину обязательно в дурных намерениях, коли она сослужила добрую службу?

Из многих и многих отзывов о старой Кяхте, в большей части восторженных или деловых, посвященных торговле, впечатления и статьи уже упоминавшегося здесь Д. И. Стахеева отличаются сдержанностью и сарказмом. Мало что нравится в Кяхте будущему редактору «Нивы» и «Русского вестника», в начале 60-х годов пробовавшему перо в «Кяхтинском листке». Купцы у него ленивы и бездеятельны, нравы дикие, собрания купечества и выборы старшины достойны комедии, акциденции, взимаемые с каждого чайного места якобы для улучшения торговли, идут неизвестно на что, чиновники покупаются, общественные деньги тратятся на приобретение в Иркутске библиотеки — на что кяхтинцам библиотека? Вот здесь-то и зарыта собака: край земли должен быть краем во всем — в морали, во взглядах, организации дела и быта, всяческих общественных движениях к культуре, достойных лишь того, чтобы приезжему образованному человеку над ними потешаться. Надо же, библиотеку покупают, рвутся в образованность.

В наблюдениях Стахеева, вероятно, немало верного, он в Кяхте жил и судит о ней не понаслышке, но вот с этим и теперь, спустя сто с лишним лет, трудно согласиться: знай сверчок свой шесток. Глушь, выходит, на то и глушь, чтобы оставаться там навсегда, географическая отдаленность означает отдаленность и заброшенность во всем, разница со столичным уровнем есть разница непреодолимая, налагаемая самой природой на развитие человека. Сибиряк, получивший образование в Петербурге, способен, вероятно, достичь в умственных и деловых занятиях не меньшего, чем европеец, если своей деятельностью он изберет удобренную почву, но у себя дома вся обстановка вокруг действует оцепеневающе и подчиняет себе.

Обстановка действует оцепеневающе, а всякие попытки изменить обстановку вызывают насмешку. И этот взгляд на Сибирь и сибирских просветителей держался долго, Сибири даровалась одна роль — быть проездной территорией для общения с другими землями и содержать в себе богатства для удовлетворения настоящих и будущих высочайших потребностей. И заводить культуру, украшать города, подвигать местных жителей к духовному обзаведению означало примерно то же, что от извлеченного из вечной мерзлоты мамонта ждать соловьиных трелей. Приобретение Сибиряковым для Томского университета библиотеки Жуковского вызвало позднее в определенной элитарной среде ту же реакцию: зачем Томску библиотека Жуковского, национальное российское достояние?

Уж в чем, в чем, а в безынициативности и неповоротливости кяхтинское купечество обвинить невозможно. В конце 60-х — начале 70-х годов, когда чай в Россию пошел через моря по открытому Суэцкому каналу, оно выдержало страшный удар. Перевозка по воде обходилась в десять раз дешевле, чем через всю матушку Сибирь по дождям и морозам. Вот тут, когда грянула беда, и обозначилось, чем была Кяхта для Сибири: извоз по всему пути от китайской границы за Урал, мануфактурные фабрики и кожевенные заводы, работающие только на Кяхту, многочисленные ремесла среди населения, заготовка пушнины от Оби до Камчатки. Кяхтинцы сделали все, чтобы их прошение дошло до царя и было рассмотрено к удовлетворению спасительных предложений: пошлину за фунт черного чая снизили с сорока копеек до пятнадцати, цветочного — с шестидесяти до сорока, таможню перенесли в Иркутск, позволив беспошлинную торговлю в ближних районах. Европу как рынок сбыта Кяхта потеряла, но Сибирь и часть России остались за ней. И тридцать лет после того, до следующего, еще более мощного удара Кяхта продолжала процветать и благополучно конкурировать с морскими перевозками. Кяхтинский купец пользовался уважением во всей промышленной и торгующей России, кяхтинский купец первой гильдии — это было особое, высшее звание и огромный авторитет. Он проникал в Монголию и Китай и становился компаньоном чайных фирм, открывал фабрики в Пекине, добывал золото на Лене и бобров на Камчатке, участвовал в проникновении на Аляску и занимался хлопком в Туркестане. И даже чуть было не погубивший Кяхту Суэцкий канал умудрился использовать в свою выгоду, провозя чаи вокруг Европы через Ледовитый океан в устье Енисея, где не существовало пошлины. Он провел к Байкалу собственный, намного короче почтового чайный тракт со станциями, ямщиками и рабочими, имел на Байкале и Амуре свои пароходы, приводя их опасными и дальними путями не откуда-нибудь, а с лондонских верфей.

Тут, вероятно, вернее было бы говорить о новом типе русского человека, своей деятельностью сокрушившего сказку о тяжелой русской созерцательности и симпатичной лености. После поразительного по своему упорству и устремленности броска казаков через Сибирь к Тихому океану в первой половине XVII века, после мангазейского торгово-про-

Окончание. Начало см. «Огонек» № 23.

В Институте физики полупроводников АН Литовской ССР старший инженер П. Ляонас изучает поверхность кристаллов * Телевизионный завод в Шяуляе выпускает «Магнолии» — аппаратуру для телецентров * Вот такие они, оптроны... * В клинику медицинского факультета Вильнюсского государственного университета поступил эхотомоскоп. Кандидат медицинских наук Ю. Курманавичюс обследует больную * Ирма Биргелайте, радиомонтажница Шяуляйского телевизионного завода.

мыслового чуда, вызывающего удивление до сих пор, после шелиховской кампании в Америку. Кяхта была следующим «пружинным» действием на просторах Сибири русского характера, показавшего способности не только накапливать, но и мощно проявлять энергию.

На рубеже двух столетий Кяхту ждал новый удар. И тут Д. И. Стахеев прав, когда он пишет: «Обстоятельства, вызвавшие упадок кяхтинской торговли, наступили не вдруг и вырастали в продолжение многих лет, но торговый люд не замечал этого; начальство тоже не отличалось достаточной прозорливостью относительно предстоящей для Кяхты опасности. Враг, покушавшийся на интересы Кяхты, был сильнее всякого начальства, он роковым, неотразимым образом разрушал все преграды, встречавшиеся на пути его победоносного шествия. Враг этот — пар. Он убил Кяхту».

Пар этот — Транссибирская магистраль, взявшая на себя перевозки. Кяхтинское купечество еще пытается сопротивляться, отыскивая новые дела, готово строить на концессионных началах Трансмонгольскую железную дорогу, участвует в изысканиях, но начинается мировая война, затем революция и гражданская война... Кяхту занимают войска интервентов. Ей предстояло сыграть еще одну важную роль — стать центром по подготовке монгольской революции. Кяхтинские тузы, совсем недавно уверенные в том, что среди местных рабочих не может быть недовольных, с удивлением и страхом взирают на уличные процессии с красными флагами, выступившие против иноземцев и старых порядков. И, наконец, проснувшись однажды, Кяхта видит, как догорает Маймачен, партнер ее по торговле с китайской стороны, бок о бок с которым было прожито почти двести лет.

Напрашивается слово, что история рванулась вперед, теряя по пути своих любимцев, однако история к своим любимцам возвращается редко, а так хочется, чтобы Кяхта когда-нибудь снова обрела и величие, и достоинство, и славу.

* * *

Уже и «бабье лето» отгорело, наступил октябрь, а все такая гуляла по Забайкалью благодать с ненатужным теплом и солнцем, что впору было проверять календари. Люди раздевались до рубашек, дали стояли в чистых и отчетливых картинах, в бессточном воздухе висел горклый запах отстрадовавшихся трав, от деревянных домов доносило нагретостью и стариной. Мы ходили по Кяхте и день, и второй, и третий, расспрашивая, сравнивая и раздумывая, то радуясь, то огорчаясь и недоумевая, поднимались на невысокие горы, одну и другую, вставшие по бокам города, и всматривались в рисунок улиц с таким вниманием, будто в нем могло явиться хоть тенью какое-то скрытое начертание.

Время, двигаясь одним могучим общим течением, для каждого из нас дробно и имеет вид своей родины. Если бы оно не склонялось, задерживаясь, над нашими городами и селениями, откуда взяться в них следам непоправимых остановок для даров и возмездия, как объяснить тогда, почему город то со вкусом и тщанием отстраивается, то разоряет себя, то теряет память, то начинает судорожно искать и восстанавливать материальные и духовные ее знаки, на которые бы сошло и поселилось рядом неотчаявшееся разумие.

При взгляде на Кяхту невольно являются мысли о властной усталости Времени, оканчивающего свое второе тысячелетие, со случайными установлениями и путаными, исключающими одно другое распоряжениями. На полуразрушенном Троицком соборе в запущенном парке крепится доска «Охраняется государством», рядом с отреставрированным и отданным под музей Успенским собором на месте городского кладбища разбит стадион, часть выковырнутых и оттащенных в сторону могильных плит валяется тут же, рядом со скамьями для зрителей, а нынешние юноши гоняют мяч на костях своих дедушек и бабушек. Памятники в честь борцов революции и жертв белогвардейских застенков (в начале 1920 года в Кяхте в течение двух недель продолжалась расправа над свезенными со всей Сибири и Урала 1500 видными революционерами) имеют холодный, безликий, неоконченный, далекий от скульптуры вид, говорящий о недолгом казенном внимании, на последнем из них, поставленном только что в память 40-летия Победы в Великой Отечественной войне, неприличные надписи. Инструктивная, по инструкции память — что может быть безотрадней и печальней, и увеселительное благоустройство на месте погребений — что может быть святотатственней и разрушительней для народной нравственности?!

Нет, гордость темного незнания изжить не так просто, как накопить ее.

Но кто объяснит, отчего нас притягивают развалины былого величия? Дело тут, вероятно, не в тайне, в том, что должно быть ближе тайны, в роковой справедливости обратного действия: за амплитудой могущества амплитуда запустения и небрежения. Или природа мирового порядка, которая властней государств и экономики, не дает никому надежд на постоянство, или что-то еще? Во имя чего творится возмездие, которое здесь, в слободе, служит еще одним подтверждением какого-то всесильного закона, распоряжающегося по всей земле?

«Всего усадеб в Кяхте, считая в том числе Гостиный двор, собор, пожарное депо, ветеринарную станцию, аптеку, дома двух врачей и пограничного комиссара, общественное собрание, два-три дома служащих, было 35—40. Все они были расположены по широкой улице, посредине которой проходил бульвар, упирающийся в общественный сад. На площади перед садом на горе возвышался собор, построенный в 20-х годах итальянцами, специально выписанными в Кяхту, а за собором — обширный Гостиный двор. Но в этом Гостином дворе не было ни лавок, ни торговли. Там хранились разные товары, стояли таборы чая, производились разные работы по чистке кирпичного чая, пересыпки байхового; чаи зашивались (ширились) в кожи и т. д. Рядом с Гостиным двором стояло пожарное депо с пожарной командой, которую содержало кяхтинское купечество, а команда должна была охранять Кяхту от пожаров».

Такой увидел Кяхту в ноябре 1885 года И. И. Попов, воспоминания которого здесь уже приводились. Мы были в Кяхте в октябре 1985-го, без одного месяца спустя ровно сто лет.

В Гостином дворе расположилась прядильно-трикотажная фабрика. Воскресенский собор, когда-то сказочно богатый и красивый, красоту которого подновлял после итальянцев Николай Бестужев, пострадал больше всего, точно по тому же самому закону за степень красоты и богатства. Теперь собор в лесах реставрации, которая затянулась на пятнадцать лет, после чего решено устроить в нем музей географических открытий в Центральной Азии. Дело хорошее, и в Кяхте самое место такому музею, только когда это еще будет! А пока слепо и безучастно, то ли оживленный, да потерявший интерес к жизни, то ли в рост заму-ми-фи-ци-рованный, стоит собор в двадцати шагах от пограничного шлагбаума, и так и кажется, что жмется к нему, отжимаясь от той стороны, где за папертью проходила улица с бульваром и общественным садом.

Ни сада, ни бульвара, ни, добавим, пруда нет и в помине. И быльем, и травой поросло, давно занялось пустырем, по которому фабрика начинает ставить одноэтажные жилые строения. От улицы миллионеров осталось три дома; один, вблизи границы, принадлежал, вероятно, Швецову, образованному человеку, знавшему языки и европейскую культуру и державшему для детей в этом доме гувернантку, что в Кяхте не было принято; второй дом на противоположном конце и в памяти людской потерял хозяина, третий на средине улицы, вот тут, когда разбирали на дрова или перевозили за границу непролетарские усадьбы, что-то, чей-то охранительный промысел удержал решительную руку... Этот дом принадлежал А. М. Лушникову.

И в смерти не скупилась судьба на широкие жесты кяхтинцам: А. В. Швецов похоронен в Швейцарии, а А. М. Лушников — на своей даче в Усть-Киране, в тридцати верстах от Кяхты. Купол Троицкой церкви, главного храма в городе, выстроен был в свое время купцами в форме глобуса, как напоминание о возможном поле деятельности для торговли. Но купол-глобус лет тридцать назад сгорел, а могилы кяхтинцев и действительно рассеяны по всему белу свету.

Лушниковский дом под теперешним номером пятнадцать редко оставался без гостей. Здесь живали братья Бестужевы, Николай и Михаил, сюда они привозили из Селенгинска своего товарища по каторге и ссылке Ивана Горбачевского. А. М. Лушников сохранил известные ныне всем нам рисунки и портреты Николая Бестужева, в доме свято относились ко многим декабристским вещам, подаренным и приобретенным, часть их сейчас в Кяхтинском краеведческом музее. Приезжая в Кяхту, сюда наверняка заходил Сергей Трубецкой. Здесь останавливались во время экспедиций Г. Н. и А. В. Потанины, Александру Викторовну привезли сюда из Китая последней дорогой, чтобы предать родной земле. Н. М. Пржевальский считал себя другом Лушникова — и его дух живет в этом доме, проклиная, должно быть, неудобства, которые он вынужден ныне терпеть. Здесь американец Кеннан удивлялся вольным речам хозяина, оглядываясь на окружающую того роскошь, в этих стенах родился Д. И. Прянишников, знаменитый ученый-агрохимик. Ядринцев и Козлов, Обручев и Клеменц, Легра и писатель Максимов — многих и многих принимали, угощали, слушали и поздравляли в просторной гостиной на втором этаже этого дома.

Об Алексее Михайловиче Лушникове, о меценате, покровителе и попечителе учебных и культурных заведений в Кяхте и окрестных селах, о недюжинном его уме и приятных наклонностях к наукам и располагавшим к нему передовых людей того времени, можно было бы рассказывать немало. О нем сохранились теплые воспоминания Михаила Бестужева и отзывы известных его сибирских современников. Это был тот внешне удачливый и внутренне удачный тип русского человека, который до всего, до знаний и почестей, доходит сам и который в отличие от европейца, оставшегося бы этим счастливым, всю жизнь мучается от неудовлетворенности и взыскательности своей души, не успокаивающейся ни благотворительностью, ни образованием. Интересно, что «попечительство» сына Алексея Михайловича — И. А. Лушникова пошло дальше: в 1905—1907 годах он издавал в Кяхте газеты «Байкал» и «Наш голос» явно революционного содержания.

Через кучи мусора мы подходим к дому и долго стоим возле него. Первый этаж, как обычно и строились богачи, каменный, с небольшими скромными окнами, второй деревянный, высокий и светлый, глядящий вокруг далеко и открыто. Сейчас он никуда не смотрит или смотрит только в себя, в свое запустение и старость. Два окна в верхнем этаже выхлестаны, в них с крапивным торжеством раскачиваются лохмотья бумаги и тряпок, резные украшения по карнизу обломаны, деревянная лестница со двора в лоджию с обвисшими перилами едва держится. Величественная каменная кладка ворот, оставшихся без стены, торчит мавзолейным сооружением. Летний дом в китайском стиле во дворе не сохранился, а дом для челяди и хозяйственные постройки в глубине частью уцелели и выглядят теперь значительней и уместней, чем главный дом, являющийся памятником республиканского значения и взятый, стало быть, под государственную охрану. В нем собираются открыть музей замечательных кяхтинцев, хочется верить, что он и будет открыт, если дом до того не сгорит или не развалится: не торопится российская улита за своей национальной памятью, ой, не торопится.

И это, вероятно, в нашем характере. Нам надо, чтобы развалился или дошел до последнего края разорения, а уж затем во всю прыть проявить энтузиазм восстановления: мы ни в чем не признаем экономной половины.

Высоко в небе над пограничной полосой парит ястреб, высматривая добычу с той и другой стороны, за ним с земли следит парень с карабином, щурясь от солнца и бездонного неба. Сухой воздух, отдающий песком, легонько отдыхивается от переспевших запахов кружным шевелением; дальние сосняки на горах клубятся светлой зеленью; в желтом дыму от догорающих лиственниц плавает город. В такие минуты, заморочив теплом, время как бы оставляет землю, воспаряя в свои небесные высоты, и не остается у нас ни прошлого, ни настоящего, только следы того и другого.

Нет, надо в город, там все на своих местах. По главной городской улице бредут коровы, как сто, как двести лет назад, греются на лавочках старики. Где-то во дворе восторженно голосит петух. Под арки торговых рядов негусто и неторопливо втягивается народ, три молодые, в меру и со вкусом упакованные в одежды женщины, со скучающим разговором стоят возле новых красных «Жигулей». От высокого крыльца булочной, в которой в боевые времена жил Нестор Каландарашвили, за женщинами наблюдает местный отрок, ставя в уме плюсы и минусы своей отроковице. На дверях Дома культуры, за амбарную архитектуру которого рядом с Троицким собором раньше пороли бы розгами, висит на прилепленной скромной бумажке объявление:

«Кто не робкого десятка,
Кто душой всегда игрив,
Всех задорных приглашаем
В театральный коллектив!»

Если слобода за богатство свое была наказана жестоко, то город, живший скромнее, в большей части сохранился и до сего дня донес свой патриархальный вид, тут и там помеченный, правда, новостройками, но попрежнему крепкий и молодцеватый. Воспоминания по былому, по прожитому и пройденному — это еще не воспоминания, а припоминания, восстановление того, что было, не содержащее открытий. Полное и глубокое воспоминание — отыскание того, чего не было, но должно было быть, чувствительный и радостный отзыв на запоздавшую картину, встреча с заблудившейся родственностью. Так мы и ходили по Кяхте, бывшему Троицкосавску, почти угадывая, что будет за углом и в следующем дворе, безошибочно выходя туда, где нельзя было не постоять и что нельзя было не увидеть для какого-то оберегающего воспоминания.

Словно тут, в этих улицах, ты и должен был родиться, но отчего-то не получилось, перенеслось в другое место.

Кяхте повезло, ее миновали опустошительные пожары, а в последние десятилетия ей не хватало денег, чтобы устроить повальный снос и явиться в новом обличье. То, что такое могло произойти, видно по некоторым оглушительным попыткам. В этом месте кяхтинские отцы города могут возмутиться: ничего себе «повезло», а квартирная проблема, а десятки мелких котельных, а благоустройство, а современность! Неверно понятая современность в виде стандартных многоэтажек стала эпидемической болезнью наших маленьких городов, утвердительной ценностью их благополучия, превратилась в высоту положения. Нет, пока не научимся мы строить вровень с прежней архитектурой, не уничтожая, а развивая и дополняя ее в сложившемся издавна облике, пока не исчезнет дурнострой, лучше не торопиться. Лучше подождать, пока придут люди, способные уважать прошлое и не относиться к городам только как к поселению собственных жизней. Речь тут не об одной лишь Кяхте; Кяхте, повторим, повезло. И не всегда, к несчастью, звание исторического города может служить защитой от разрушительного передела. Иркутск и в ранге исторического города, в облечении охранных прав и законов не уберег свой старинный центр, перечеркнув его чужеродной геометрией самозваного модернизма.

А кто и во что превращает благие наши намерения с мемориалами, которые за малыми исключениями везде и всюду на сибирских просторах, отведенных под духовные поля, выглядят как памятники памятникам, как захоронения юбилеев? Мемориалы стали способом благоустройства, в котором тяжелый, щедро уложенный бетон замуровывает и замораживает, а не пробуждает чувствительные токи между настоящим и прошлым, между человеком и историей. Только ли вкус отказывает нам или прежде того оказались перекрытыми памятепроводящие каналы? Культура памяти говорит о культуре жизни и культуре поколений; примитивность городской архитектуры мы способны оправдать неотложными нуждами, теснотой квартир в каких угодно стенах; богатые, но холодные знаки памяти свидетельствуют о расточительстве бедности.

В Новоселенгинске, на месте захоронений Николая Бестужева, жены и сына Михаила Бестужева и детей Торсона, теперь тоже мемориал, являющийся таким же площадно-бетонным торжеством, из которого неловко, как сорняки в протравленном чистом засеве, выглядывают скромные старые надгробия. На могучем бетонном опоясе агитация наглядная в виде высеченных сцен из жизни декабристов и рядом агитация письменная. Все это щедро, широко, не жалея трудов, денег и метров, кроме необходимого здесь клочка земли, куда ушел и чем стал Николай Бестужев — одна из самых ярких и благородных декабристских фигур, так много сделавший и для блага этого края. Кроме клочка земли, куда могла бы упасть слеза чувствительного потомка и откуда ответным благодарствованием могло донестись ожидаемое дуновение. Теперь не упадет и не донесется, зато, не опасаясь замочить в непогоду ног на твердом, ходи и рассматривай перелицованные хрестоматийные картинки, читай известные слова о том, что «на обломках самовластья напишут наши имена».

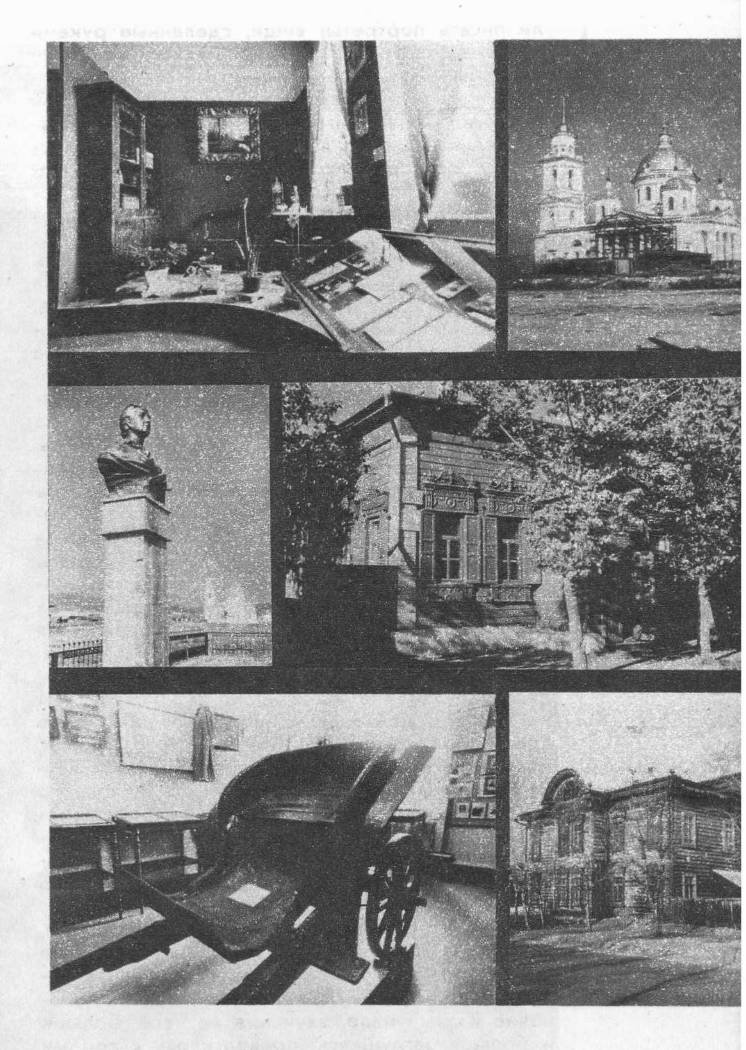
Имена, верно, написали, да разве это все? На могилы к великим гражданам люди идут не для знакомств и восполнения образования, а для просветительства духовного, ради нескольких мгновений чувствительного прикосновения, бывания в мире человеческой вознесенности. Ради ощущения себя в нем и его в себе, угадывания не имеющих знакового выражения пособий, для постижения истинных ценностей бытия.

Было тут прежде просто, скромно и близко к отошедшим. При отъезде Михаила Бестужева из Сибири после смерти брата и жены друзья Бестужевых Б. В. Белозеров из Петровского Завода и А. М. Лушников из Кяхты побещали, что они не оставят без забот и внимания родные ему могилы. На Петровском Заводе, где декабристы отбывали каторгу, отлиты были памятники и металлическая дверца для ограды, которую решили выложить камнем. Рядом поставили часовенку. Надо сказать, что захоронения эти не в самом Новоселенгинске, а в пяти верстах от него, ныне в безлюдном месте, а тогда неподалеку от бестужевской заимки, где жили декабристы. Сейчас там свалка и заросли лебеды на месте избищ. Из неглубокой пади хорошо видна Селенга, текущая среди голых берегов, на противоположной стороне белеет церковь — единственное, что напоминает о старом Селенгинске, знаменитом граде по дороге в Китай, и хранит его вечный покой.

Да и все вокруг здесь дышит покоем и настраивает на дальние раздумья. При вносе и выносе Селенги высятся сторожами скалы, дремотно лежат под солнцем безлесные курганные горы, молчаливые свидетели походов Чингизидов на запад, сухо пахнет чебрецом и полынью. Это уже восточная картина, существующая в древних очертаниях и как бы надземная, строение иных богов, начальные письмена великих азиатских философий. Эту землю Николай Бестужев полюбил и много размышлял о ней в письмах и беседах с друзьями.

Но вернемся в Кяхту, в старую часть города, уцелевшую от переделок. Если природа говорит о вечности, то людские поселения должны говорить не о тщете человека, ненадолго приходящего в мир, а об остающемся после него тепле. Память — это и есть тепло от человеческой жизни, без тепла памяти не бывает. По тому, как и в каких стенах жили люди, можно судить, чем они жили, была ли их жизнь продолжением народной направленности или ее искривлением.

Идешь по Кяхте (по Троицкосавску) и только смотри. То вдруг явится не сказочное, нет, а былинное видение — толстостенное, как крепость, с экономными, словно бойницы, окнами и тяжелой, замшелой крышей. Вровень с избой глухой заплот, ворота и калитка с витым чугунным кольцом под навесом, со двора выносится могучая лиственница, как бы не выросшая, а выстроенная под стать общему плану. То в двадцати шагах от крепости такая выплывет навстречу форсистость, что только ахай: теремная, высокая, многооконная и многотрубная, сияющая, разукрашенная резьбой, с боковой террасой в верхнем этаже, с затейливыми и фигурными, будто наскакивающие по углам на крышу змеи-горынычи, водостоками. Так и чудится: растворится сейчас наверху окно и капризный голос, перепутав времена, чего-то потребует или прокричит что-нибудь восторженное. Конечно, в кружеве резьбы там и сям дыры, дерево потемнело и потрескалось, одно из окон, обрывая бодрую музыкальную фразу, за ненадобностью заделано, в другом фальшивым звуком заменена рама, терраса подгнила, а все равно картина, да и только, стоишь и не можешь отвести глаз. Рядом дом попроще, но тоже не из рядовых, какой-то весь из себя живой, молодцеватый, задиристый, по виду из разбогатевших приказчиков. Следуешь дальше — и вдруг торцом выходящая в улицу величественная стена, аккуратно выложенная камнем, раз и навсегда ухоженная, соступами понижающаяся ко двору, сооруженная для защиты от огня и ветров. Дома, который она защищала, уже нет, а она стоит и все ждет и ждет, когда он появится на прежнем месте. На другой стороне улицы купеческая мелочная лавка, под что-то хозяйственное, как не под дровяник, приспособленная, обратит внимание резным затвором, поверх нее на четырехскатной крыше, выглядывающей из соседнего порядка, на трубах, как диковинные птицы, ажурные дымники, сбоку на высоких оконных навершиях такая карусель из резьбы, что поневоле потянет рассмотреть поближе. И так всюду. А во дворах, едва не в каждом дворе, и вовсе старина: вросшие по окна в землю избушки, почерневшие и подряхлевшие амбары, завозни, сараи, мастерские — начала и задворки именитых и неименитых троицкосавских родов, до сих пор вместе с подручностью, которой пользовались в работе, хранящие строй миновавшей навсегда жизни.

В 60-х годах пограничники разбирали одно из старых строений и наткнулись на холст. Оказалось, М. В. Нестеров. Теперь картина в местном краеведческом музее. Там же еще одна находка неизвестного автора итальянского письма. В Кяхте надо удивляться не находкам, а тому, что их мало; вероятно, самое ценное, что могло бы стать собственностью музея, погибло вместе со слободой. Сколько здесь должно было сохраниться картин, рисунков и поделок одного лишь Николая Бестужева, которого купцы не однажды приглаша-

ли писать портреты; вещи, сделанные руками братьев-декабристов, среди кяхтинцев были в необычайном ходу именно потому, что они бестужевские, сразу становящиеся реликвией и гордостью от авторства. Одним из их изобретений — сидейкой (так называлась двухколесная рессорная коляска) — пользовались повсюду в Сибири, особенно она была незаменима по разбитым и горным дорогам, каковые у нас в большинстве.

Ныне в сидейке, для которой требовалась лошадка, уже не ездят, в качестве экспоната стоит она, возбуждая любопытство, в музее. Из лушниковского дома еще при организации музея сюда перешло бюро-конторка Михаила Бестужева, тогда же, очевидно, собраны были другие декабристские вещи, в том числе пистолет Николая Бестужева и несколько его акварельных работ. Вообще следует признать, что краеведческий музей по-кяхтински обширен и богат, это единственное, что осталось в сохранности от былого величия города. Скоро минет сто лет со дня его открытия — столько прошло времени как с появлением здесь группы политических ссыльных (И. Попов, супруги Чарушины и др.) началась новая волна общественного и просветительского движения в Кяхте, результатом которого были и музей, и Географическое общество, и публичная библиотека. Зайдя в нынешнюю библиотеку, мы не нашли в ней совсем ничего из собранного среди кяхтинцев в ту пору — куда-то увезли, хорошо, если не на свалку, пренебрегли, с легкостью отказались от огромного духовного богатства, которое могло бы ныне составить гордость города. Такая же участь ждала и библиотеку краеведческого музея, но тут, к счастью, нашлись люди, сумевшие отстоять свою собственность.

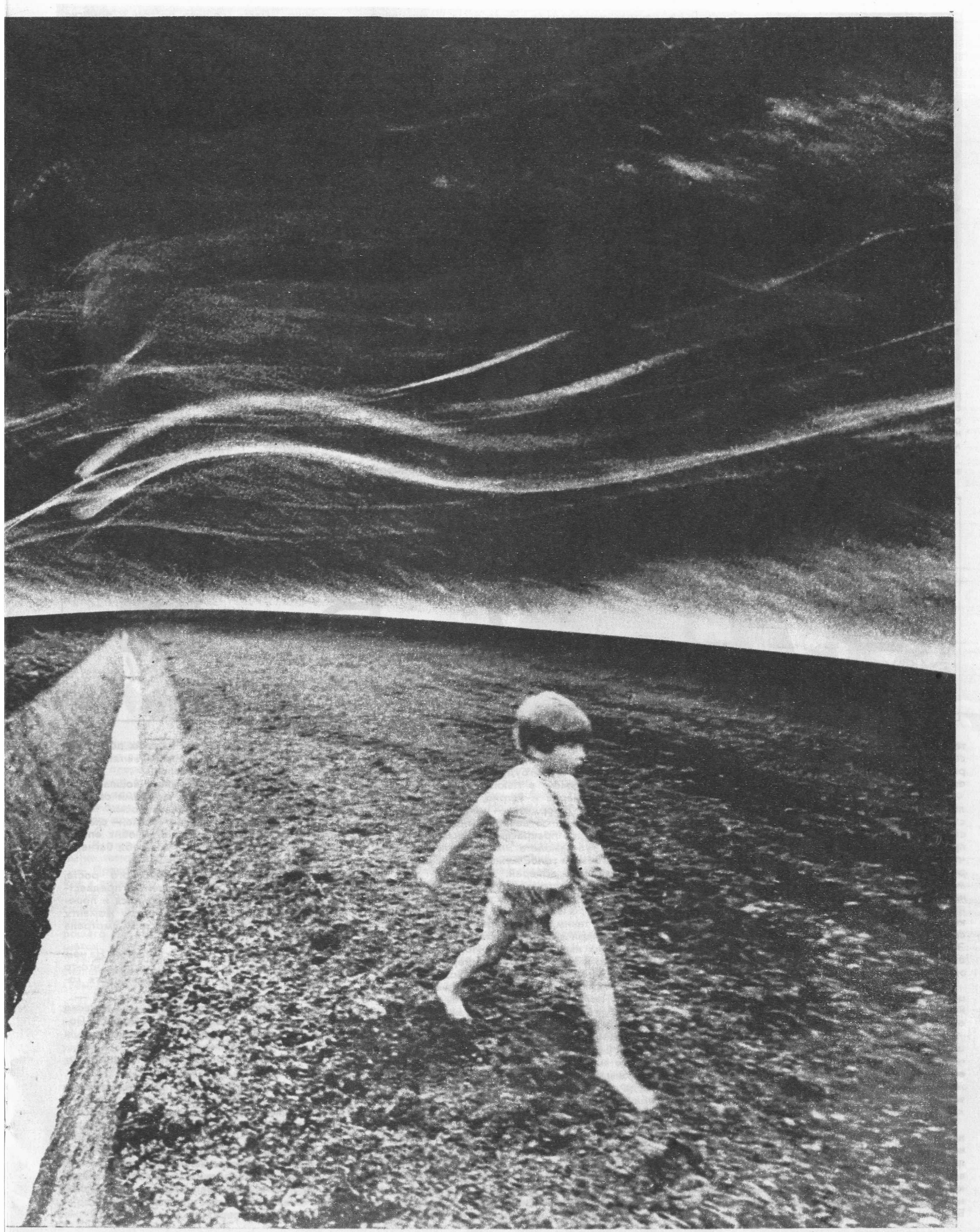
Тогда, сто лет назад, это было, кажется, последнее культурное возбуждение. Главную роль в нем играла политическая и научная интеллигенция. Затем, с переменой судьбы, значение Кяхты упало, звучание ее, все больше и больше заглушаясь, превратилось с годами в местный звук. Теперь Кяхта — город всего лишь районного подчинения, она не попала, как заслуживает того, в список исторических названий, памятники ее оказались под угрозой и частью погибли, реставрационные работы на основных из них потянулись без спешки, многие достопримечательности ждут своей очереди восстановления, и неизвестно, дождутся ли.

По Кяхте ходишь с противоречивыми, то с горьким, то с отрадным, чувствами. Словно в ней поселились два хозяина, давно воюющие друг с другом. Один хлопочет, чтобы Кяхта с достоинством стояла в полный и славный свой исторический рост, другой склоняет ее к раболепству перед сегодняшним днем. Один открывает в Успенском соборе музей, второй, разбросав остатки надгробий, из погоста устраивает стадион и наслаждается звуками несущихся с него матов. Один пытается сберечь немало уже пострадавшую Троицкую церковь, другой впритык к ней ставит общественный туалет и рассчитанным попустительством превращает в оное место весь парк, где находятся и памятники сынам революции и гражданской войны. Один понимает, что нравственность не может взрасти на одном лишь верхнем слое, второй и его портит примитивными казенными сооружениями.

Эти недоумения нужно адресовать не только Кяхте, это беда многих наших городов. Но Кяхта — город маленький, и потому ее противоречия заметней. Они соседствуют столь явно, заявляя свои права на гражданство с переменным успехом, что невольно начинаешь размышлять: а где большинство наше — на стороне отеческой памяти, от коей в немалой степени зависит народное благоденствие, или на стороне никак не изживаемого воинствующего небрежения к своим святыням? С кем мы, против кого мы, когда наконец наступит очистительное отрезвление?

И все же Кяхта есть Кяхта. И чем больше ходишь, всматриваешься, вдумываешься в нее, тем сильнее чувство разочарования и потерь вытесняется если не очарованием, то близким к нему настроением, появляющимся от тепла и какой-то особенной — скромной, родственной и ощутительной приветности этого города. Нет, не ушла, как может показаться вдали от нее, Кяхта в безвестность и там, на краю России, продолжает служить ей верой и правдой.

Истоки. Фото В. Михайловского. (С юбилейной выставки журнала «Советское фото».)

Ирвин ШОУ

ВДОВЫ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА

Из ночного туманного неба доносился надрывный гул самолета. У края летного поля стояла Эмили Клеменс, слегка опираясь на руку своей дочери Пегги и вслушиваясь в волнообразный, приглушенный туманом рокот моторов.

Эмили было семьдесят лет, и она чувствовала страшную усталость. В самолете, вылетевшем из Нью-Йорка и слепо кружившем сейчас в густом тумане между горами и морем, находилась ее вторая дочь, с которой они не виделись одиннадцать лет.

Сегодняшний день был тяжелым для Эмили: за завтраком разгорелся жаркий спор с Пегги — вот уже три года, как они жили вместе в одном доме,— потом долгие часы напряженного ожидания, и сейчас ей казалось, что она уже не в силах все это вынести. В сыром тумане надсадно завывали двигатели самолета. Эмили чувствовала, как туман мелкими капельками холодил кожу. Ей хотелось сесть, но она не могла спокойно сидеть в то время, как ее дочь кружила где-то вверху, подвергая свою жизнь опасности. Неизвестно почему, Эмили казалось, что если она будет стоять, несмотря на ломоту в коленях и боль в затылке, это каким-то образом поможет дочери.

Она покосилась на Пегги. На спокойном лице дочери было отсутствующее выражение. Руки глубоко в карманах пальто. Выглядела она гораздо моложе своих пятидесяти лет.

— Как ты думаешь,— спросила Эмили нерешительно,— все обойдется?

— Не знаю, мама,— ответила Пегги. Голос ее звучал спокойно, почти безразлично.— Ты же слышала, что говорили. В ближайшие полчаса в тумане ожидается «окно».

— Да,— проговорила Эмили и вздохнула. Ей подумалось, что Пегги должна по крайней мере хоть чуточку волноваться, несмотря на ее отношение к сестре в последние десять лет. Во время войны Пегги стойко переносила все несчастья: была спокойна и сдержанна, когда умер Лоренс, ее муж, мужественно приняла известие о гибели Бада в Германии, хотя Бад был единственным сыном. Вот почему ее острая неприязнь к сестре была совершенно необъяснимой. Казалось, ей безразлично, жива Айрин или нет, приедет она или нет, благополучно приземлится самолет или разобьется. Понятное дело — семейная ссора, но не забывать об этом так долго, когда вокруг столько несчастий и смертей, когда из всей их большой, веселой, полной надежд семьи остались только они трое... «Пегги — новый тип женщины,— думала Эмили с неудовольствием,— такой женщины, которая избавилась от многих условностей и традиционных взглядов, но потеряла при этом способность прощать и любить...»

Самолет с каким-то надсадным ревом пронесся в тумане так низко, что можно было почти физически ощутить напряженное усилие моторов, представить озабоченное лицо пилота и Айрин, вжавшуюся в кресло.

Эмили закрыла глаза и вспомнила своих дочерей в прошлом.

Они были погодками и походили друг на друга почти как близнецы; всегда вместе играли в куклы, вместе гуляли и смеялись, бегая в саду. Это еще до первой мировой, когда они всей семьей жили в большом доме в Лос-Анджелесе и мистер Клеменс, ее муж, был жив. Обе девочки были красивыми: стройными, светловолосыми, с большими серьезными темными глазами. Они переглядывались и перешептывались между собой, хихикая над какими-то своими детскими секретами, недоступными пониманию взрослых.

«Я подожду,— говаривал мистер Клеменс, стоя на крыльце и глядя на двух девочек, копошащихся у его ног.— Я подожду, пока вы подрастете и выйдете замуж за миллионеров. Вы же будете такими красавицами, что перед вами не устоит ни один мужчина. Вот тогда я брошу работу и буду отдыхать. Полгода у Айрин с мужем в Ньюпорте — кататься на яхте, есть омаров и устриц, полгода у Пегги где-нибудь в Джорджии — целыми днями ходить на охоту, а по вечерам сидеть у камина и наслаждаться прекрасными винами».

Сквозь гул самолета Эмили почти явственно слышала низкий голос мужа и тоненький, пронзительный смех дочерей.

Теперь на месте их дома стояло пятиэтажное здание фабрики. Мистер Клеменс умер в 1914 году, а замужество дочерей оказалось не совсем таким, как он предсказывал.

Обе дочери выросли достаточно красивыми, и через их квартиру в Нью-Йорке, куда они переехали после смерти мистера Клеменса, прошло множество молодых людей, разных и по внешности, и по способностям, и по достатку. Пегги и Айрин обходились с воздыхателями с очаровательной безжалостностью, часто передавая их друг другу и посмеиваясь вечерами в своей спальне над их претензиями и жалобами. Они и гуляли неизменно вдвоем, твердо настаивая на парном ухаживании со стороны расстроенных поклонников. И Эмили тогда казалось, что ее дочери предпочитали общество друг друга любому другому.

Тщательно, с веселой девичьей скрупулезностью они вырабатывали свои разные, но одинаково очаровательные характеры и стили поведения, так что если какой-нибудь молодой человек не попадался «в лапы» к одной, то неизменно оказывался «на крючке» у другой. Айрин, которая была выше и привлекательнее, играла роль независимой, энергичной, интеллектуальной молодой женщины — прямой и ироничной. Пегги, пониже ростом и помягче, всегда улыбалась и бросала многозначительные взгляды, и Эмили слышала, как они покатывались со смеху, обсуждая наедине своих дружков и поклонников, словно пираты, вспоминающие последний абордаж.

Эмили, которая сама когда-то была простой девушкой и побаивалась мужчин, качала головой на следующее утро за завтраком и полушутя-полусерьезно выговаривала дочерям:

— Придет и ваш черед. У каждой появится мужчина, и вы заплатите вдвойне и втройне за все свои хитрости и проказы.

Мужчина, конечно, появился, в этом Эмили оказалась права, но она никак не предполагала, что это будет один и тот же мужчина для обеих дочерей.

Эмили открыла глаза и огляделась по сторонам, пытаясь понять, зачем она сюда пришла, почему стоит в холодном ночном тумане и вслушивается в отдаленный рокот самолета. Ей потребовалось усилие, чтобы все вспомнить. Старость, все путается в голове. Воспоминания накладывались одно на другое, и то, что происходило тридцать лет назад, помнилось отчетливее, чем то, что происходило вчера; и мертвые казались реальнее живых, и твоя собственная дочь в возрасте двадцати лет была ближе и роднее, чем эта женщина с холодным лицом, стоящая рядом и поддерживающая тебя под руку.

Эмили сидела в гостиной нью-йоркской квартиры в 1915-м — или это был 1916 год?— и шила блузку для Айрин. Был пасмурный вечер, и дождь стучал в окна при каждом порыве ветра, шторы слегка колыхались. Она посмотрела на шторы и сказала Айрин:

— На следующей неделе надо их постирать.

Айрин не отвечала. Она лежала, вытянувшись на диване, и смотрела в потолок.

Открылась дверь, и в комнату вошла Пегги с мужчиной. Они оба были мокрыми от дождя, Пегги, смеясь, стряхивала волосы.

— Это Рейнхольд Вайген, мама,— сказала Пегги.— Он немец. Журналист. Любит оперу. Если ты захочешь, он споет для тебя Вагнера. Рейнхольд, моя сестра Айрин.

Он был очень вежлив. Невысокого роста, кудрявый, он никак не походил на предвестника несчастья. Рейнхольд поклонился и поцеловал руку Эмили и Айрин. К этому моменту Айрин уже сидела и с любопытством смотрела на него.

— Замечательная семья,— сказал он. На нем была несколько старомодная одежда, и что-то старомодное слышалось в его речи, хотя говорил он без акцента.

— Чаю,— проговорила Пегги,— мы ужасно хотим чаю. Посиди минутку, Рейнхольд. Постарайся очаровать мою маму и сестру, а я пока пойду приготовлю чай.

Пегги ушла на кухню, а Айрин встала, прошла по комнате и села на стул.

— Мне кажется,— сказала она, при этом ее низкий голос вдруг стал очень мелодичным,— что наша опера не производит на вас, мистер Вайген, большого впечатления. Впрочем, и на любого другого, кто слушал оперу в Европе.

— О, совсем наоборот,— ответил Рейнхольд галантно.— Я нахожу вашу оперу прекрасной. Просто прекрасной. Вы часто бываете в опере?

— Иногда,— улыбнулась Айрин.— Американцы не очень часто меня приглашают туда.

— Вы любите оперу?

— Обожаю,— ответила Айрин, а Эмили удивленно посмотрела на нее, поскольку Айрин была в опере не более двух-трех раз за все время, что они жили в Нью-Йорке.— И никак не могу вдоволь насладиться ею.

— Может быть, вы мне окажете честь и разрешите пригласить вас?

— С удовольствием.

— В пятницу будут исполнять «Зигфрида». Вы не хотите сходить?

— Прекрасно,— ответила Айрин.— Не знаю, как я дотерплю до пятницы.

Они посмотрели друг на друга, и Эмили, сидевшая на стуле у окна, подумала: «Бедная Пегги! Зачем она пошла за чаем. Ничего хорошего из этого не получится. Ничего хорошего».

Теперь Эмили мысленно перенеслась в спальню дочерей. Пегги молча сидела, сжав губы, а Айрин громко говорила:

— Я выйду за него замуж. Если мне разрешат, я поеду в Джорджию и обвенчаюсь с ним прямо в камере. Мне плевать на разговоры. Мне все равно, германский он агент, или египетский, или какой другой. Они не имеют права сажать его в тюрьму.

Кто-то вышел из здания диспетчерской службы, постоял некоторое время, вглядываясь в темное небо, и снова зашел.

«Свадьбы»,— подумалось Эмили. Сколько свадеб она видела на своему веку. Сколько невест, цветов, гостей... Айрин в белом платье в церкви на Двадцать Четвертой улице. Смотрит на всех взглядом победительницы, а не скромной счастливой невесты. Рейнхольд, худой и бледный после тюрьмы, но собранный и радостный. Пегги, очень хорошенькая в своем желтом платье подружки невесты, но с темными кругами под глазами, как будто не спала несколько ночей.

И свадьба Пегги полгода спустя. Лоренс, очень красивый, высокий, с правильным, открытым лицом. Айрин не было, тогда она уже жила в Германии. Но она прислала длиннющую телеграмму, и на свадьбе Пегги открыла эту телеграмму первой и вручила Лоренсу.

— От моей сестры,— сказала Пегги.— Она нам шлет свое благословение. У них скоро будет ребенок. Она настаивает, чтобы мы поступали таким же образом. Просит выслать твою фотокарточку. Жалуется, что мои описания бессмысленны: ни один мужчина не может так выглядеть.

Лоренс улыбнулся и сунул телеграмму в карман. Она так и хранилась годами в одной из коробок вместе с другими телеграммами и письмами до тех пор, пока новая горничная не выбросила их в мусорный ящик.

Самолет снова сделал большой круг в тумане, и Эмили вздохнула, прислушиваясь к звуку моторов. Если бы Пегги была порасторопней с этим немцем много лет назад, а Айрин не была бы такой настойчивой, то, возможно, в самолете сейчас летела бы Пегги, а Айрин стояла бы рядом с ней. Или бы Пегги не привела Рейнхольда домой... или бы Айрин отсутствовала в тот день... Так хотелось, чтобы у дочерей все было хорошо, хотелось направить их, защитить, разрушить силу обстоятельств. А сейчас, в семьдесят лет, она стояла здесь, усталая, разбитая и опустошенная, как проигравшийся картежник.

Среди множества лиц, смутных образов, теснящихся в мозгу, были и письма. Помнится, как они выглядели: иностранные почтовые марки, торопливый крупный почерк Айрин, большие серые конверты, даже слабый запах духов, непостижимым образом сохранявшийся после долгого путешествия через океан.

«Это Ганс. (Как странно было иметь внука с таким именем. В семье мальчиков обычно называли Джон, Питер или Томас.) Он действительно похож на Бисмарка, но мы думаем, что к трем годам он изменится». И еще: «У Рейнхольда ухудшились дела, но сейчас у всех дела неважные, так что мы не очень расстраиваемся. У Ганса уже семь зубов». И еще: «Дитрих весил десять фунтов, когда родился. Я настояла на том, чтобы его назвали Дитрих Джонатан, как папу. Конечно, все прусские родственники Рейнхольда были недовольны, но я не уступила. Представляю, как они потом говорили друг другу: «Этого следовало ожидать, ведь он женился на американке». И еще: «Пришлите несколько новых фотографий Бада».

Но двоюродным братьям так и не пришлось встретиться. Когда в 1936 году Айрин написала, что они приедут на три месяца (командировка Рейнхольда по заданию редакции), то добавила, что детей они не возьмут из-за занятий в школе. Пегги к их приезду оклеила гостиную новыми обоями с крупными красными розами и купила новый голубой ковер. Она научила Бада говорить по-немецки «Доброе утро, тетя Айрин и дядя Рейнхольд» и «Как здоровье моих братиков?».

Трудно вспомнить день их прибытия. 1936 год был так далек, после него произошло столько разных событий. Большой красивый пароход. Оркестр (что он исполнял тогда? Какую-то немецкую песню. Позднее она слышала ее в кинохронике, в которой показывали военные парады немецкой армии). Бад, восхищенный па-

роходом, в новом голубом костюме, тогда ему исполнилось тринадцать лет. Лоренс рядом с Пегги. Улыбающийся, но бледный, потому что уже тогда у него ухудшилось состояние здоровья. Пегги, серьезная, но с горящими глазами, она хотела первой увидеть сестру. Потом по трапу спускалась высокая красивая женщина в меховом пальто. Эмили вспомнила, как она подумала: «Наверное, эта женщина очень богата». А потом вдруг узнала в этой женщине свою дочь и полезла за очками, чтобы убедиться. Рядом с ней шел мужчина небольшого роста, полный. Когда он снял шляпу, Эмили поняла, что это Рейнхольд и что он полысел.

Трудно вспоминать прошлое, когда тебе семьдесят лет.

...Помнится, что все были возбуждены, целовались и смеялись. Потом был праздничный обед в столовой на первом этаже. Выяснилось, что Рейнхольд стал преуспевать в делах, что они переехали в Берлин, что у них теперь, кроме квартиры в городе, появился загородный дом.

Потом среди застольного шума голос Айрин:

— Гитлер? Разумеется, я верю в Гитлера.

За столом воцарилась полная тишина, и Эмили увидела, как мистер Розен, сослуживец Лоренса, осторожно опустил вилку на тарелку, как будто она была очень хрупкой.

— Мне кажется, это наглость,— продолжала Айрин.— Ваш мистер Рузвельт постоянно в своих речах нападает на события в Германии. Как бы вы реагировали, если бы господин Гитлер возмущался в своих выступлениях внутренними событиями Америки?

— Дорогая,— сказал Рейнхольд мягко,— мне кажется, не следует говорить о политике за обедом. Это плохо действует на пищеварение.

— Ерунда,—ответила Айрин.—Этот джентльмен справа,— она показала в сторону Генри Конолли, старого приятеля Лоренса,— вот уже полчаса говорит о политике. Надо поставить его на место. Он сказал, что в Германии пора делать революцию, что если мы не избавимся от нацистов, то мир уничтожит нас, что мы варвары, и прочую чепуху.— Айрин с вызовом посмотрела на сидящих за столом, и Эмили подумала, не выпила ли Айрин лишнего.

— Я читала ваши газеты и слышала, что говорят американцы. Меня от всего этого тошнит. Вы не знаете, что происходит в Германии. Вы проглатываете коммунистическую пропаганду, даже не пытаясь понять, что же происходит на самом деле. Я живу т а м, а вы з д е с ь. Я могу сказать, что если бы не Гитлер...

— Дорогая,— снова сказал Рейнхольд,— давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Ни за что,— ответила Айрин.— Тебя прислали сюда, чтобы ты убедил американцев. Вот и начнем прямо сейчас.— Она еще раз обратилась ко всем присутствующим.— Я вам скажу, что, если бы не Гитлер, нас бы уже давно уничтожили евреи и коммунисты.

— Лоренс,— мистер Розен встал,— боюсь, что нам с Кэрол пора.

Кэрол Розен тоже поднялась из-за стола, и Эмили заметила, что она побледнела. Лоренс глубоко вздохнул и устало поднялся, чтобы проводить супругов Розен. Они вышли в коридор, было слышно, как они разговаривали, но Эмили не могла разобрать слов, так как Айрин громко продолжала:

— Мне кажется, мистер Розен — еврей. Прошу прощения, если я его обидела. Но уж если на то пошло, ему не следует приходить в гости туда, где он может услышать кое-какую правду о себе.

Потом вернулся Лоренс. Он остановился позади Айрин и тихо сказал:

— По-моему, нет никакого смысла делать вид, что ничего не произошло. Я думаю, вы все хотите поскорее уйти отсюда. Впрочем, я сам этого хочу. Пегги,— он повернулся к жене,— можно тебя на минутку?

— Разумеется,— ответила Пегги. Она встала из-за стола и вышла вместе с Лоренсом.

— Айрин,— сказала Эмили расстроенно,— почему ты не можешь помолчать? По-моему, уже ни к чему произносить подобные речи.

— О мама,— проговорила Айрин.— Не будь глупее, чем ты есть. Иди лучше к внуку и расскажи ему сказку на ночь, а взрослых оставь в покое.— Она холодно посмотрела на гостей.— Сожалею, что так получилось, но я не могла сдержаться. Я пробыла в Америке три дня, но меня уже тошнит от нее. Надеюсь, я больше сюда никогда не приеду. Я уверена, что вы думаете то же самое, что и ваш друг Лоренс. Я теперь не удивляюсь тому, что европейцы смеются над вами. Вы и в самом деле знаете о событиях в мире не больше диких индейцев в прериях. Я в Берлине все время заступалась за американцев, говорила друзьям, что вы просто несколько медлительны, что на самом деле вы умные и прогрессивные люди. Теперь мне придется извиниться перед ними.

Остальные гости встали из-за стола и, попрощавшись с Эмили, ушли. Рейнхольд понуро сидел на стуле, задумчиво передвигая чашку по блюдцу.

Эмили с удивлением смотрела на дочь. Трудно было понять, почему она так повела себя.

— Я очень рада, что мои сыновья растут не в этой идиотской стране,—не унималась Айрин.

Открылась дверь, и в комнату вошла Пегги. Она была взволнована, но держала себя в руках, и Эмили знала, что ни к чему хорошему это не приведет.

— Айрин,— сказала Пегги,— мне надо с тобой поговорить.

— Послушайте, девочки,— вмешалась Эмили встревоженно.— Не говорите сейчас того, о чем потом будете жалеть.

— Я знаю, что она хочет сказать,— съязвила Айрин.— Ее муженек уже прочитал ей лекцию, и она собирается сказать нам, чтобы мы уезжали.

— Совершенно верно! — крикнула Пегги.— Если можно, то сегодня!

— Пегги! — воскликнула Эмили.— Айрин!

— Прекрасно,—сказала Айрин.—Рейнхольд...

Рейнхольд встал, стараясь подобрать живот.

— Если цивилизованные люди,— начал он громко,— хотят обсудить подобный вопрос объективно, абстрактно, так сказать, в исторической перспек...

— Убирайтесь,— ровным голосом проговорила Пегги.

— Пегги! — беспомощно сказала Эмили.— Айрин!

Айрин выскочила из комнаты, а Рейнхольд остановился в дверях и сухо поклонился, прежде чем последовать за женой.

А сейчас Пегги стояла рядом с безразличным видом; сверху доносился шум самолета. Лоренс умер, и Рейнхольд был мертв: он погиб в Берлине при бомбежке. А недалеко от своего дяди погиб Бад при форсировании реки, и оба сына Айрин тоже погибли в России. Какие реки форсировали они? И письма от Айрин, овдовевшей, потерявшей сыновей, такие грустные и отчаянные. («Я попрощалась с Рейнхольдом в одиннадцать утра, а в час дня был налет английской авиации, и я больше не видела Рейнхольда». И еще: «Дитриху было только семнадцать, но его все равно забрали. Мне сказали, что его берут в противовоздушную оборону, но послали в пехоту. Потом мне сообщили, что он погиб». И еще: «Конечно, от квартиры в Берлине ничего не осталось, но, к счастью, сохранился загородный дом. Я даже не могу передать, как мне хочется поскорее увидеть родную землю, поселиться вместе с вами, как в старые времена, и забыть все ужасы, которые пришлось пережить.»)

Из-за этого-то они и поссорились с Пегги за завтраком.

— Я не могу жить в одном доме с этой женщиной,— упрямо повторяла Пегги.

— Ну что же ей делать? — спрашивала Эмили.— Ей уже за пятьдесят. Мы единственные близкие люди, к которым она может обратиться.

Пегги неожиданно заплакала.

— Когда я вижу ее лицо,— проговорила она,— я думаю о смерти Бада. Почему я должна с этим мириться? Какие же мы близкие люди?

— Пегги, родная! Она изменилась, она изменилась. Ты же читала последние письма. Она теперь другая. Тебе надо простить ее, тебе надо...— Эмили тоже заплакала, думая о том страшном, трагическом, бессмысленном, что произошло: о смертях и разрушенных надеждах. Вид плачущей матери — старой, с измученным, увядшим лицом — растрогал Пегги. Она обняла Эмили, стараясь успокоить ее.

— Ладно, мама. Не плачь. Пусть она приезжает. Если она изменилась, то пусть приезжает домой.

А после завтрака Эмили под предлогом поездки за продуктами пошла в церковь и горячо молила бога, чтобы Айрин изменилась. Эмили хотелось прожить последние годы жизни в обстановке любви вместе со своими дочерьми, которые так хорошо начали, полные надежд на счастливую жизнь, и так плохо кончили, одинокие, лишившиеся детей и мужей, бедные и несчастные.

Гул самолета вдруг резко усилился, и Эмили увидела его огни, выскользнувшие из туманного неба. Самолет накренился, потом, чуть не ткнувшись носом, чиркнул по земле, снова подпрыгнул, опять ударился о землю, покатился как-то боком, задевая крылом взлетную полосу, потом выпрямился и, сделав сумасшедший полукруг, окончательно остановился. Эмили облегченно вздохнула.

— Видишь, мама,— проговорила Пегги,— все в порядке.

— Теперь я присяду,— сказала Эмили. Пегги повела ее вдоль ограждения к скамейке у выхода с поля, и Эмили тяжело опустилась, чувствуя, как дрожат колени.

Рабочий подогнал трап. Открылась дверь, и пассажиры стали медленно выходить из самолета.

— Ужас! — говорила одна из женщин.—Просто ужас. Я удивляюсь, как это мы еще не разбились.

Группа, в которой были три женщины и пять или шесть мужчин, медленно двигалась к выходу. Эмили пристально вглядывалась, ища Айрин. Одна из женщин, очень молодая, несла на руках ребенка. Это не могла быть Айрин. Две другие были гораздо старше. Обе ростом и фигурой похожи на Айрин, и, когда они подошли поближе, Эмили встала и быстро двинулась к выходу; Пегги придерживала ее за руку. Ни одна из женщин не была похожа на Айрин. Эмили повернулась к Пегги.

— Ты видишь ее?

Пегги отрицательно покачала головой. Одна из этих двух женщин, довольно прилично одетая, направилась к ним, улыбаясь, и Эмили тоже было заулыбалась, думая: «О господи! Это Айрин, а я ее даже не узнала. Свою собственную дочь!»

Но женщина прошла мимо прямо в объятия высокого молодого человека, который сказал:

— Боже мой, мама! Не заставляй меня больше так волноваться!

Другая женщина стояла под самым фонарем у выхода. На вид ей было по крайней мере лет шестьдесят — неряшливая, плохо одетая, в поношенном пальто. У нее было покрытое морщинами, властное лицо, покрасневшее от холода.

— Пегги,— сказала Эмили обеспокоенно,— надо, наверное, сходить и спросить у стюардессы...

— Подожди,— ответила Пегги.— Мне кажется, что эта женщина...

— Отвратительно,— говорила неряшливая женщина, обращаясь к мужчине рядом с ней.— Тошнотворный полет. Так рисковать! Что за страна?! Америка! Позор!

Эмили почувствовала, как Пегги сжала ей руку. Женщина еще раз оглядела все презрительным взглядом, даже не остановившись на лице Пегги.

— Они, наверное, ждут там,— сказала она мужчине, показывая на огоньки машин на стоянке, и направилась в ту сторону. Эмили хотела, чтобы Пегги крикнула, пока еще женщина не исчезла из виду.

— Пегги,— с трудом проговорила она; язык отказывался подчиняться ей,— мне кажется, это твоя сестра Айрин.

— Я вижу,— ответила Пегги.

Тогда Эмили поняла, что Пегги так и будет молчать.

— Айрин,— сказала она слабым голосом. Потом уже громче: — Айрин! Мы здесь.

Неясная фигура в тумане остановилась, повернулась и двинулась к ним, приобретая с каждым шагом реальные и знакомые черты.

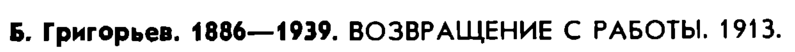
— Мы здесь, Айрин,— проговорила Эмили плача.— Вот ты и дома.

Перевел с английского
А. ПАХОТИН.

К. Сомов. 1869—1939. АРЛЕКИН И ДАМА. 1912.

А. Головин. 1863—1930. ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ К «МАСКАРАДУ». 1917.

Б. Григорьев. 1886—1939. ВОЗВРАЩЕНИЕ С РАБОТЫ. 1913.

См. стр. 6.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ИЗ ЧЕТЫРЕХ

садов, восемь магазинов, несколько больниц и двенадцать поликлиник. Жилье и еще раз жилье, АТС, универсамы — все это и многое другое—дело рук строителей Москвы, где с каждым годом растет число микрорайонов, часто на месте бывших деревень, например, Коровино-Фуниково, Лианозово, Узкое...

— А скажите мне, что за время года там, за окном?— спросил меня Юрий Гаврилович Клевакин.

За окном было молодое лето, я так и сказал. Юрий Гаврилович, начальник управления автоматизированной системы управления, контроля и регулирования строительства, профессионально уточнил: за окном — строительный сезон! Самое время возводить стены, класть перекрытия, а главное — штукатурить, белить, красить, настилать, навешивать, монтировать сантехнику. Скорее, скорее, пока тепло, сухо! И светло по двадцать часов в сутки.

Фронт работ строителей в столице огромный. Много объектов, как говорят строители, на выданье. А рук, чтобы вовремя выметать, выносить, дать место отделочникам, паркетчикам, электрикам, не хватает. Рук нужно много — для черной, для пыльной работы, без которой не обойтись, которую не механизируешь. И тут горячее желание помочь строителям на их финишной прямой как нельзя кстати! Дело, понятно, добровольное. Те, кого призыв из Тольятти поднял на леса незавершенки, отдаются новой неурочной работе бескорыстно, в свободное от основных и личных занятий время. Кто когда пожелает: в дни отдыха, даже в будни, если появляется «окно» у людей даже самых занятых.

Но всякое дело, особенно такое, когда в прорыв устремились в основном одиночки, требует четкой организации. «Главмосстрой» создал штаб. Он имеет оперативную группу. Адрес: Сытинский переулок, дом 3. Здесь постоянно дежурят Татьяна Яковлевна Горбунова, Нина Александровна Ширяева, рядом с ними старший инженер Ольга Ивановна Зубкова. То и дело раздаются телефонные звонки — на каждом столе по два-три аппарата. Благодаря сообщениям любезной сердцу москвичей «Вечерки» наиболее требовательный номер 299-50-78. Товарищи из оперативной группы терпеливо объясняют очередному добровольцу, где он может приложить свое старание. Называют малознакомые районы и улицы, конкретные СУ, заочно знакомят с прорабами, дают номера телефонов прорабских участков. Максимум информации, чтобы человек действительно выбрал и место работы, и время, какие ему наиболее благоприятны.

— За последнюю неделю мая,— говорит Татьяна Яковлевна,— поступило около ста тридцати заявок. Конечно, нужда в рабочих руках куда больше. Но дорог почин!

Кто же выходит на стройки? Перекличка, если мысленно такую устроить, была бы впечатляющей: сотрудники НИИ информации и технико-экономических исследований, СУ-248, инженер завода «Динамо» И. А. Анарина, коллектив школы, булочной-кондитерской, студент ВГИКа Амкаламбатор Нацагнин, ветеран войны и труда Н. Ф. Титов, крановщица ДСК-2 В. Б. Придвирива... Очень нетерпеливы пенсионеры — их звонки часты и настоятельны. Людям с такими голосами не откажешь. Хотели было попридержать выпускников 78-й школы — куда там! Старшеклассники отклонили заботу об их здоровье, отклонили и опасения насчет перегрузок накануне экзаменов. Уступили им... Снова звонки, звонки: пенсионер Николай Алексеевич Клевцов, артистки М. Абдулаева и Л. Голубкова, директор вечерней школы Анна Васильевна Сергеева... Группа студентов абонировала вечер на строительной площадке в Лианозове. Их ждет прораб В. Т. Безруков. Ждут прорабы Н. М. Иванов и А. В. Макеев... Детская поликлиника в Большом Козловском переулке будет готова к сроку. Будут открыты в назначенный день школа в Южном Измайлове, кинотеатр «Гавана», универсам в Коровине-Фуникове... Ждут добровольцев-подсобников в Северном Крылатском, Перове, Строгине...

— Оперативная группа вас слушает!..

Начало лета — самая активная фаза строительного сезона. Это и начало нового патриотического движения, зародившегося на берегу Волги. Хотя советским людям давно знакомы иные формы участия в коллективном добровольном труде на стройках, предприятиях родных поселков и городов: субботники, воскресники, помощь жилкооперативу. Мое поколение помогало на этажах будущего великана МГУ, в чаше Лужников. Сами сотрудники «Главмосстроя» с энтузиазмом помогали побыстрее открыть и детский сад, и пионерский лагерь для своих детей. Всегда были готовы. Для себя. Для своих детей.

А тут нечто новое — добровольный труд на социально-культурных объектах города. Четыре рабочих дня в общую копилку! Не для себя. И все-таки, конечно, для себя как для жителя города. Бескорыстие в чистом виде.

Одиночных заявок достаточно много. Никому не отказывают, но в штабе «Главмосстроя» ждут, когда кто-то организует пока неуправляемый поток предложений. В самом деле, было бы проще и удобнее в каждом, допустим, райкоме комсомола и райсовете столицы объявить пункты учета и сбора заявок от желающих поработать. И потом уже от лица сформированных бригад обращаться в оперативную группу. Так, конечно же, было бы целесообразнее. По-современному, то есть больше порядка в деле, интересном для десятков, может быть, для сотен людей самого разного возраста и разных личных пристрастий, но общественников по самоощущению...

— Слушаем вас внимательно! Запишите адрес... Вас очень ждут!

Рабочее воскресенье.

Сказка. Фото И. Пуриньша.

Антонина БАЕВА

На росстанях моей души

ЖЕЛАНИЕ

Пусть бы только Земля
наградила меня
стать крупинкой ее плодородной
и годиться в работу воды и огня
и в родимую речь у народа.
О, тогда бы я знала,
зачем родилась
и зачем мой зрачок торопился
разгадать и впитать
неприметную связь
всех и вся;
и чтоб ею напился
до ничтожности малый мой
пламень земной,
и зацвел чтоб негромко, упрямо,
и, сливаясь в единое
с теплой землей,
потянулся к ней радостно:
«Мама-а!»

●

Открылось, что всегда
умела говорить,
свое и не свое перемежая.
Открылось, что судьбы народной
нить
твоей судьбе безвестной не чужая.
И ты, еще малявка и дичок,
почуяла, какие вы родные.
Не скажешь по-чалдонски
«чо-почо»,
но припадешь душой
к народной вые,
где плотское духовно потому,
что воедино все с Землей самою,
где все твои намеренья поймут
и все твои сомнения омоют
надеждой, и любовью, и словцом,
что скажется совсем
не по-насердке:
бесхитростно, беззлобно —
не отцом,
так кем-нибудь из ближних
у соседки.
Ты отзовешься и заговоришь,
о чем они и сами бы сказали,
припомнив,
как звучит ночами тишь
и как поют при солнце эти дали.

НА ВСХОЛМЬЕ

Всхолмье, озаренное закатом,
было все округло и покато,
было все зелено-золотое:
золотом заката облитое.

Я к нему стремилась —
не успела.
Я уже во тьме
на всхолмье села.
Ноги подкосились, не несут.
Я сижу на темном всхолмье.
Тут
те же и деревья, и трава...

Жизнь и в ночь по-своему права:
темь и свет ровняя, наперед
воздает не меньше, чем берет.

●

На росстанях души моей
всегда так людно и нарядно,
и все пространство неоглядно,
и служит песнопеньем ей.
И чуть рассвет занастает —
на росстанях души поет
то жаворонок, то скворец.
И это вовсе не конец.

А лишь начало из начал
к тому хоралу, что звучал
на росстанях души моей,
когда светило солнце в ней

и не темнели небеса;
когда не высились леса
с известкой,
с битым кирпичом,
когда ей было нипочем
любое горе одолеть,
когда до слез хотелось петь.

●

В оркестре инструментов русских
звучит, как надо, и доска,
рожок, берестячко вприкуску...
От них мелодия густа
и многокрасочно-игрива,
и так сильна и удала,
что ей, задавшейся на диво,
любая горница мала.
Одна Земля ей только впору.
Не от нее ли родилась
душа народная,
с которой
у песни родственная связь?

●

Становлюсь настоящим поэтом.
Многословье отброшено прочь.

Не пишу ни о том, ни об этом,
а взираю
на утро,
на ночь...
Подпеваю
лишь птицам и ветру;
не спешу со стихами в печать...
Становлюсь настоящим поэтом:
научилась подолгу молчать.

●

Первично народное слово.
И что ему чья-то хула?
У Пушкина и у Толстого
оно не сошло со стола.
Пословицам, притчам толковым
от Ленина — похвала...
. . . .
Первично народное слово.
И что ему чья-то хула?

С. КАЛИНИЧЕВ, фото Н. КОЗЛОВСКОГО

ПОЮ со всеми...

— Если на Моторного «взглянуть со стороны, что вы увидели бы прежде всего?— спросил я.

Он недоуменно вскинул брови.

— Ну, — развивал я далее свой вопрос,— есть же какое-то главное качество: аккуратность, настойчивость или... характеристика уже в самой фамилии?

(Украинское «моторный» никак не относится к слову «мотор». Скорее — к просторечному «мотаться». Означает же — шустрый, проворный.)

Он не воспринял юмора, отрешенно думал, потом признался:

— У меня нет «второго дна». Ну, скажем, вот так вести себя при людях, в конторе или в кабинете у начальства, и несколько иначе, когда с друзьями или дома. Всегда — какой есть.

Дмитрий Константинович Моторный — дважды Герой Социалистического Труда, председатель знаменитого колхоза имени С. М. Кирова, что под самым Херсоном. Наша беседа подходила к концу. Мы успели переговорить об отношении человека к земле, о воспитании крестьянина нового типа, о принципах ускоренного развития сельской экономики. Но вопрос: каким он мог бы увидеть себя сам со стороны? — озадачил председателя больше всего. Как бы оправдываясь, Дмитрий Константинович продолжал:

— В праздники не могу удержаться — выхожу с баяном, играю, пою со всеми. Завожусь, одним словом. И так во всем. Поздравляю, скажем, колхозника с новосельем — радуюсь не меньше, чем он сам. А если уж кого отчитываю или наказываю — расстраиваюсь. Сердце покалывает... Вроде бы заодно и себя наказываю.

...Мы прилетели в Чернобаевку, чтобы рассказать читателям «Огонька» о жизни передового колхоза. Намеченный партией курс на ускоренное развитие народного хозяйства вырабатывался не на пустом месте. Были учтены достижения лучших, их вполне реальный, уже во многом оправдавший себя опыт. В колхозе имени Кирова, или, как говорят в просторечье, у Моторного, хозрасчет во всех низовых звеньях ведется уже два десятка лет. Каждая бригада, ферма, подсобный цех четко знают, что они внесли в общий котел и что получат из него.

Колхоз очень богат — больше десяти миллионов рублей годового дохода. Но где вы еще увидите, чтобы на фермах, развязывая тюки сена, собирали старый шпагат? А тут собирают и еще раз используют для подвязки винограда, в молодом саду, на мельнице. При этом объясняют: килограмм шпагата стоит 2 рубля 70 копеек. Чтобы заработать такие деньги, в овощной бригаде надо собрать почти четыре центнера помидоров.

Тут знают стоимость воды, израсходованной в той или другой бригаде. Счетчики и водомерные устройства всегда действуют. Больше того, выпавший дождь или снег учитывается так же, как выращенный урожай. Все лишнее, что скатилось с полей, улавливается запрудами в балках, приходуется и выдается потом для полива.

Ежегодно колхоз продает государству тысячи тонн хлеба, молока, мяса, овощей, фруктов... Неуклонно растут урожаи, надои, привесы. Здесь регулярно получают 700—800 центнеров помидоров с гектара, а в бригадах и по тысяче, средние надои уже вплотную приблизились к пяти тысячам килограммов на каждую корову...

Но есть еще одна, более важная примета. Старожилы утверждают, что самое поразительное в Чернобаевке — это не ток-автомат, где четыре человека вместо сорока принимают и обрабатывают весь урожай, не посевы озимки, дающие больше семидесяти центнеров зерна с гектара, не фермы и кормохранилища... Самое поразительное, говорят они, это колхозная земля, которая за последние два десятилетия изменилась неузнаваемо. Десятки тысяч тонн удобрений, которые вывозятся ежегодно, раскисление почв и мелиорация, грамотная обработка и тщательная подборка культур сделали поля щедрее и богаче.

— Многие едут к нам учиться культуре земледелия, хозрасчету, механизации. А я считаю, что главное условие успеха в том, что в центре нашего внимания — человек. Специалист, доярка, скотник — каждый видит, что с его мнением считаются, чувствует в своем деле себя главным, это для него конкретно (а не вообще «для народа») строится клуб, стадион, покупается техника,— говорит Дмитрий Константинович.

Главный агроном колхоза, кандидат наук П. И. Ломоносов рассказывал, как Моторный принимает важные решения. Он не подпишет приказа, пока не посоветуется с людьми, пока те, кому его выполнять, не загорятся идеей как своей собственной.

О том, что председатель острее других чувствует, образно говоря, поле людского притяжения, говорит такой факт. В колхозе все производство разделено на три участка. Есть и строительный. Но Моторный убедил членов правления создать еще один, не менее важный, чем первые четыре,— культуры.

В него вошли Дворец культуры, бригада озеленения и благоустройства села, агитбригада, у которой и свой оркестр, и новый автобус. При ДК работают кино- и фотостудии, вокально-инструментальный ансамбль и другие кружки, а при стадионе — несколько спортивных секций. В штате «участка» культуры только творческих работников 32, а всего — семьдесят.

На культурно-бытовые мероприятия колхоз ежегодно расходует 1,7 миллиона рублей! Для самодеятельности приобретаются и костюмы, и нужная аппаратура, и музыкальные инструменты. И если днем рассыпается детвора по спортплощадкам (есть и спортшкола-интернат), то по вечерам молодежь отправляется во Дворец культуры, где юноши и девушки охотно разучивают бальные танцы. Так интересно наблюдать, с каким упоением нынешняя молодежь справляется с классическими па!

Работники культуры охватывают своим вниманием не только молодых. Затей хватает: курсы кройки и шитья, выставки цветов, соревнование за лучший двор... Да на тех же аттракционах взрослые веселятся не меньше, чем их любимые чада.

А уж по воскресеньям и в праздники кто усидит дома, если даже самый главный заведующий самого важного в хозяйстве участка — зернового — Александр Кваскица — исполняет арии из классических опер, а сам председатель выходит с баяном или читает юморески украинских смехачей.

Здесь трудятся и празднуют как одна большая, задорная и работящая семья.

И этот танец вальс...

Дмитрий Константинович с внучкой.

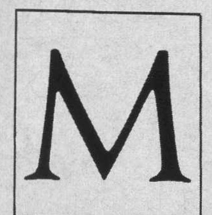

Игорь ИЛЬИНСКИЙ

Вот какое письмо пришло в редакцию: «Сейчас непрестижно быть инженером. Гораздо прибыльнее быть слесарем без высшего образования. Но хочется сказать о другом странном явлении — о непрестижности, хотя и популярности, профессии актера!

Мне, врачу, нередко приходится с ними сталкиваться, жизнь у них и в театре нелегкая, и вне театра — тоже. Дело в том, что знакомый мой ленинградский артист, получивший красный диплом, прошедший многотысячный конкурс, сейчас в ведущем театре получает всего сто рублей! Столько же получают техник в институте, лаборант в школе, уборщица. Но разве можно сравнить социальную значимость актерской профессии и лаборантской! Считается, что актеры могут «подрабатывать». Но это — заблуждение. Возьмите актеров областных театров, много ли они подрабатывают! Мне рассказывали, что сейчас педагоги театральных училищ жалуются: талантливых молодых людей, особенно юношей, не привлекает эта профессия. Так ведь и театр может выродиться. Уже сейчас юное поколение актеров не поражает талантами. Помогите актерам! С. Дивлов. Ставрополь».

Поделиться своими мыслями по поводу этого письма мы попросили народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Игоря Владимировича Ильинского.

Мне очень близка и понятна тревога автора письма за актерскую профессию. Действительно, существует экономическая, что ли, основа тех метаморфоз, которые происходят с актерами. Причем, что уж самое обидное и непонятное, не только с молодыми, но и с известными, популярными, талантливыми. И все же не низкая зарплата порождает в нашем деле нетребовательность, суетливость или легкость в мыслях необыкновенную.

Вся серьезность, требовательность, трезвость нынешнего разговора о театральном искусстве и искусстве вообще продиктованы прежде всего необходимостью «духовного очищения», стремлением преумножить сокровища души. Процесс этот закономерен, и не следует излишне обостренно, нервно относиться к нему, будто совершается нечто постыдное и неприглядное. Решительно не согласен с этим. Пора набраться мужества и сказать о негативных явлениях в театре прямо и откровенно. Это — проявление силы, а не слабости! Это подчеркнет огромный нравственный и духовный потенциал, которым обладает советское театральное искусство. Наступил тот момент, когда надо рассудительно, конструктивно проанализировать положение в драматургии, в актерском, режиссерском деле и принять необходимые выводы, принять конкретные решения.

Все наши размышления, слова, неудовольствия должны быть подкреплены делами, найти отклик у руководителей театрального искусства, от кого в конечном итоге зависит успех или неуспех наших творческих планов, художественных поисков.

Нас охватила нынче какая-то страсть выпячивания, возвеличивания и быстрого... уничтожения. А вот подлинное внимание к таланту, глубокий интерес к его творчеству проявляем крайне неохотно. Удивительно, но факт: нас перестала волновать судьба, личность художника. С необыкновенной безалаберностью мы эксплуатируем талант и столь же быстро забываем своих былых кумиров, покидаем их в самую, быть может, тяжелую и ответственную минуту духовного становления, гражданского осмысления профессии творца. Ну, а кого винить, с кого спрашивать? «Талант принадлежит народу». Абсолютно справедливо! Но как-то уж больно легко, не похозяйски мы с ним обходимся. Странное дело: не талантом, а знакомствами подчас определяются общественное положение художника, награды и звания. Имея все это, не гнушаются и тем, чтобы «закопать» подлинный талант, ошельмовать его. И цель очень конкретная: убрать соперника с пути — ведь он существованием своим подрывает «авторитет», создает ненужные кривотолки, «перешептывания».

Как-то мне на глаза попались строки из записных книжек Константина Сергеевича Станиславского: «Театр и актеров следует оценивать не по количеству шумных и легких успехов, не по обилию лестных критик, а только по качеству его художественных созданий. Много театров и актеров, имеющих успех, но мало театров, в репертуаре которых есть одно, два или три создания, с которыми навсегда сроднилась публика и десятками лет ходит их смотреть».

Написано это в «дотелевизионную» эпоху, однако как справедливо и гневно звучит сейчас, когда как раз количество теле- и киномельканий определяет «талант». Но эта «конвейерная» продукция рассчитана лишь на потребление, как чай вприкуску с искусством. Подлинное творчество всегда вызывает (а отнюдь не требует!) взаимную отдачу, сопереживание. В этом главное — созидательное начало искусства. Зритель им поглощен, и эта духовная пища во сто крат дороже «массированных» налетов сверхзвезд. Никому не известный актер, если он владеет магией духовного очищения, способен навсегда «сродниться» со зрителем. Без созидательного начала искусство перестает быть искусством. Из театра исчезает дух праздника.

В пору моей театральной юности телевидения не было, сеть кинотеатров еще не была столь обширной, на стадион за футболом ездили на окраину Москвы. Одним словом, все то, что сегодня можно получить на дому простым переключением телеканалов, требовало затраты по крайней мере физических сил. Как ни странно, именно театр долгое время оставался, пожалуй, единственным общедоступным зрелищем.

И театр работал для зрителя. У него были свои взлеты и падения. Не обходилось и без крайностей. Даже МХТ «открывал» оперетту, экспериментировал с символизмом в драматургии и режиссуре. А другие театры экспериментировали с обнаженной натурой. Летом 1918 года в Москве можно было увидеть все, что хотите. В трех театриках за деньги проводился показ «нег» — голых женщин, но результат, итог поисков оказался слишком разительным. МХТ он привел к «Ревизору» с Михаилом Чеховым в главной роли. Театрики — к закрытию.

Но, увы, выводы, уроки этих далеких исторических примеров забываются. Трудно усваивается такая простая истина, что «материя» тела легко и быстро исчерпывается, а вот материя души, духовности, как родник, пробивает себе дорогу даже в самой жгучей пустыне.

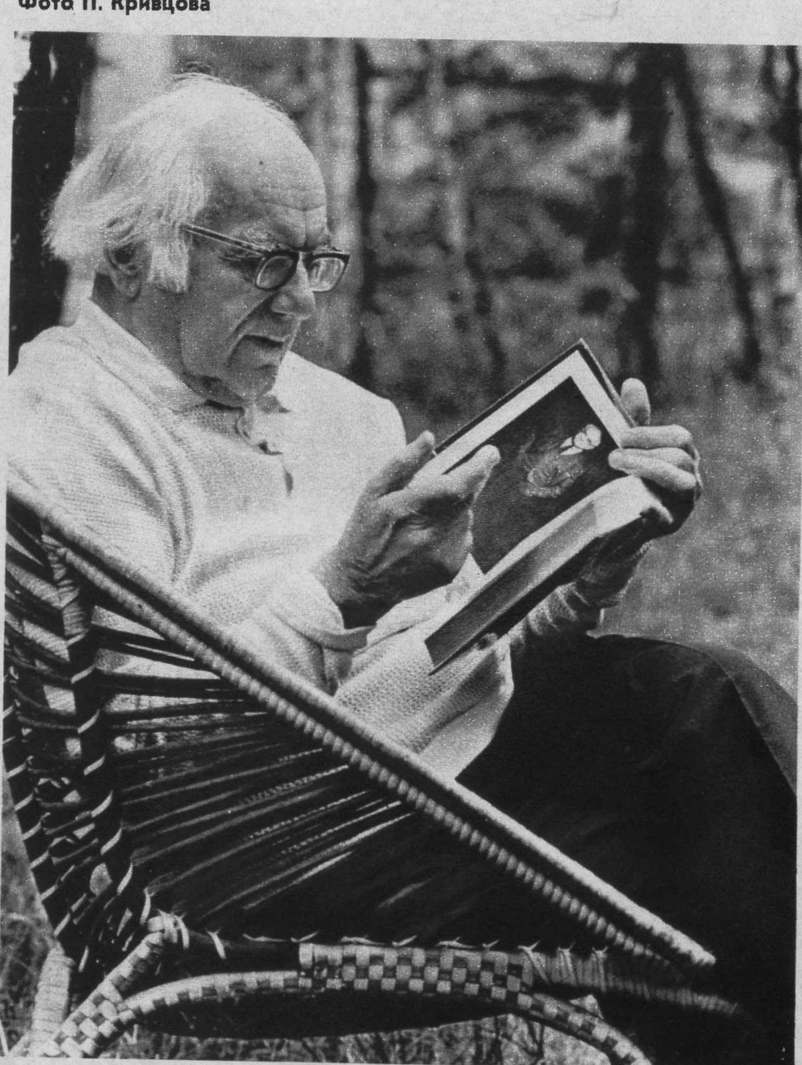
И вся-то разница лишь в том, что искусство бывает обращено к зрителю, а бывает и р а з в р а щ е н о зрителем, направлено на удовлетворение его эгоистических, потребительских интересов. Тут ответственность в равной степени ложится и на театр, и на публику.

Нынче над театральным искусством все чаще и чаще нависает дождевая, серая, свинцовая туча элитарности, избранности. Простому зрителю приходится подчас трудно: поди разберись, сколь значительна та или иная работа коллектива. Происходит это в том случае, когда начинают больше думать не о том, как поставить, сыграть, а как «обставить» спектакль.

К сожалению, в последнее время все чаще и чаще приходится сталкиваться именно с этими проблемами. Не случайно и критики, и зрители нередко говорят о том, что театральное искусство все в большей степени замыкается на самом себе. Если раньше — не боюсь сослаться на пример старого театра — спектакль прямо «попадал» к зрителю и в зале решалась его судьба, то сегодня чаще всего зритель в жизни спектакля не играет заметной роли.

Взять хотя бы такое торжественное, ответственное событие в жизни любого коллектива, как премьера. Странное это нынче дело, загадочное. И прежде чем новый спектакль дойдет до зрителя, он проходит сквозь ритуальный строй фильтров и барьеров. Утрачено понятие премьеры-праздника. Как бывает? Спектакль уже созрел, он уже просится на суд зрительского зала, уже принят художественным советом, уже

Фото П. Кривцова

ОБЪЕД

молва о нем пошла, а афиши, извещающей об этом событии, как не было, так и нет. До премьеры спектакль два-три раза будет сыгран на общественных просмотрах, три-четыре раза пройдет «на замену». А когда наступает день официальной премьеры, то иной спектакль уже утрачивает свежесть новизны. Но происходит это помимо зрителя и мимо него. На общественных просмотрах зал заполняют околотеатральные люди, свои «домашние» критики, на заменах — случайная публика, потому что если люди пришли на один спектакль, а им показывают совсем другой, то иначе как случайными зрителями их не назовешь.

Потом бывают еще спектакли специально для критиков и «влиятельных» людей. Это происходит в том случае, когда становится понятно, что без организационных подпорок им не обойтись. На таких спектаклях актеры чрезмерно волнуются, они не живут ролью, не дышат образом, а «отчитываются» перед критиками в собственных успехах. Тут и срывы возможны. После спектакля устроят «круглый стол», где, извините за резкость, будут «формировать положительное общественное мнение» вокруг новой работы театра.

Допустимы ли подобные «методы» в художественном творчестве? Уверен, что нет. Ведь и театр, и зрители оказываются в ложном положении, а уж о критиках я и не говорю. Они попадают в безвыходную ситуацию, когда надо «формировать мнение» из ничего, а зритель в очередной раз будет разводить руками.

Когда я задумываюсь над причинами удач или полуудач в современном театре, то невольно прихожу к выводу, что из театра исчез дух искренности, чувств, мыслей, поступков. Дух правдивости и принципиальности. Мы «заигрались», что ли? Искренность слов и поступков — категория не только нравственная, но и социальная. Если хотите, даже политическая.

Почему сегодня соотношение слова и дела стало мерилом всей нашей жизни? Что греха таить, «разъехались» они не в меру у иных руководителей, в том числе и театральных. Только правда объединяет театр и зрителя и помогает самосовершенствованию. Искусственно созданным «искусством» их не обогатишь и не объединишь...

За кулисами театра подчас немало цинизма, но там скорее услышишь слово правды. А на людях она нам глаза колет.

Работая над инсценировкой романа Виктора Гюго «Человек, который смеется», в очерке Андре Моруа, посвященном писателю, я нашел удивительное, глубокое признание: «Душа, совесть, ответственность — всего этого человеку достаточно для жизни». Это имеет прямое отношение к нашему разговору...

Записал Б. ПЕТРОВ.

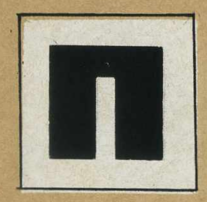

И. В. Ильинский. 1954 год. Фото Дм. Бальтерманца. (Публикуется впервые.)

...ИНЯЕТ ПРАВДА

Гонка не кончается

Виталий ЗАСЕЕВ,

ервым достигнув поворота, автомобиль резко накренился вправо, затем юзом пошел в противоположную сторону и, не удержавшись на лоснящемся от дождя полотне трассы, принялся кувыркаться по отлогому откосу. Высокие сосны сначала стали на макушки, потом мгновенно вернулись в исходное положение и снова, еще более ускоренно, повторили тот же кульбит. А затем раздался хорошо знакомый каждому гонщику скрежет разрывающегося металла и пронзительная сирена «Скорой».

Так много лет назад состоялось «крещение» Стасиса Брундзы — одного из лучших в стране гонщиков-раллистов.

Когда дверцы «03» поспешно захлопнулись за носилками, кто-то из журналистов многозначительно изрек: «Теперь, если и выживет, он не то что за руль гоночной машины, в такси ездить будет бояться».

Безжалостность этих слов прозвучала тогда приговором молодому гонщику. И все же что-то заставило меня записать в блокноте: «1967 год. Стасис Брундза». Врачи и теперь удивляются, как это ему удалось так удачно выкарабкаться. В долгие томительные недели, которые он провел на больничной койке, лучшим лекарством для него были сообщения о победах знаменитых раллистов. Просматривая газеты и журналы, Стасис первым делом отыскивал вести о ралли.

Западногерманские гонщики Борингер и Кнолль выигрывают на «мерседесе» гонку «Акрополис» в Греции. Англичане Гопкирк и Лиддон побеждают в Монте-Карло на отменном «моррис-мини-купер-С». Швед Трана доказывает, что он сильнейший на своей «вольво» в ралли «Полуночное солнце». Супермарафон Лондон — Сидней 1986 года. Шестнадцать тысяч километров доминируют англичане на «хиллман-хантере», и в результате Коуэн, Койль и Малкин становятся победителями...

Много лет спустя во время сборов, когда разговор зашел о той печальной истории, Брундза так ее прокомментировал: «Тогда я еще был молод и не знал, что с увеличением скорости на мокрой трассе колесо начинает аквапланировать и что с этим явлением бороться невозможно, даже имея семь пядей во лбу. А у меня в то время не было и одной».

...Родители Стасиса — отец Казимир Ионович, профессор, известный ученый-микробиолог, и мама Констанция Юлиановна, преподавательница школы, были убеждены, что их сын наверняка посвятит себя музыке. В доме часто слушали Моцарта, Бетховена, боготворили Чюрлениса. Но однажды шестнадцатилетний Стасис, одолжив у отца «Волгу», вышел на старт любительского авторалли и, к всеобщему удивлению, стал победителем. И с того дня участие в гонках сделалось для Стасиса праздником. Его сильной стороной, кроме техники езды, всегда считалось умение анализировать собственные ошибки. Самые незначительные, самые на первый взгляд пустяковые он помнил и никогда не повторял. Именно это помогло ему вскоре после аварии сесть за руль и выиграть ралли «Прибалтика», а к концу года стать мастером спорта.

Дальнейшая карьера Стасиса оказалась связанной с городом Устинов, с заводом, где выпускают «Москвичи». Начал слесарем-испытателем, затем перешел в инженеры. В свободное время самозабвенно тренировался, готовился к всесоюзному старту. И первое же выступление на чемпионате страны принесло экипажу Стасиса Брундзы (штурман В. Шихов) серебряную медаль. Его «Москвич-412» с таким блеском проходил виражи, так «держал дорогу», что, казалось, опрокидывающийся момент вопреки всем законам физики просто-напросто не существовал для этой машины.

Потом Стасис привез домой золотую медаль чемпиона страны. Она-то и стала началом его биографии гонщика международного класса...

В ФРГ не только любят автоспорт, но и знают в нем толк. И машины там умеют готовить для самых тяжелых испытаний. И вообще давно убеждены, что во всем мире существует только две марки машин — «мерседес» и... все остальные. Поэтому, когда в Эрбахе рядом с новеньким «мерседесом-бенцем» на старт очередного «Тура Европы» 1974 года вышел черно-оранжевый «Москвич», на него попросту не обратили внимания. «Симка», «порше-каррера», «вольво» — еще куда ни шло, но «Москвич»?!

В Эрбах С. Брундза прибыл со своим новым штурманом Александром Карамышевым и в полной мере ощутил ироничное отношение к своему черно-оранжевому автомобилю. «Ну что ж, придется показать, на что способны отечественные машины,— решил Стасис.— Иного выхода у нас нет».

Машины «выстреливались» одна за другой в ночи. Черно-оранжевый «Москвич» с двадцать девятым номером на борту стремительно рванулся вперед и мгновенно скрылся за поворотом.

Уже несколько часов дождь хлещет, не переставая. Стена воды кажется непреодолимой, и временами возникает ощущение, что машина не катится, а плывет по горной порывистой речке. Брундза ведет машину, то и дело про себя отмечая четкие действия своего штурмана Карамышева, его умение заблаговременно определить надвигающуюся опасность. А опасностей в каждом ралли хоть отбавляй. Закрытый поворот, узкий серпантин, мост без ограждения, выпирающая посреди ровного места ухабина, камнепад или, хуже того, неизведанный брод водоема, которого еще вчера не было и в помине. Обо всем этом должен быть хорошо осведомлен штурман. Приспосабливаясь к условиям гонки — резкие торможения, тряска, рывки, трамплины, а то и вовсе езда на двух колесах,— штурман обязан не только успеть прочесть карту, а и, сориентировавшись на местности, тут же выдать информацию водителю, который чуть ли не в экстремальных условиях ведет машину на предельной скорости.

Согнувшись в три погибели и подсвечивая планшет карманным фонариком, Карамышев коротко бросает в темноту: «Двести пятьдесят... левый первый». Это значит, что через четверть километра машина упрется в левый поворот, который нужно пройти, не сбавляя скорости.

«Нет, без опытного штурмана сегодня ралли не выиграешь. Это аксиома». Вжавшись в сиденье, Брундза с благодарностью поглядывает на ссутулившегося штурмана. Александр на двадцать лет его старше. Как говорят гонщики, успел «погоняться». Стартовал в Монте-Карло, прошел «Акрополис», участвовал в ралли «Полуночное солнце».

Очередной крутой поворот. «Москвич» с 29-м номером на борту проходит его настолько чисто, что тут же оставляет далеко позади преследующий его «мерседес». А это значит, что экипаж Брундзы выходит на первое место и становится лидером гонки. Еще один поворот. Подъем. Крутой спуск. «Мерседес» и вовсе исчезает из зеркальца заднего обзора. Теперь надо уходить, и как можно дальше. Брундза на миг отрывает правую руку от баранки, несколько раз сильно сжимает и разжимает пальцы. И вдруг... Что это? В свете мощных фар мелькнули очертания знакомой машины. Мелькнули и тотчас исчезли, как исчезает из поля зрения прожектора стремительно несущийся по воде скутер. Стасис резко нажимает на тормоз. Карамышев прилипает к ветровому стеклу, трет лоб и с удивлением смотрит на Стасиса. Потом и он замечает в фокусе фар знакомую машину. Не сговариваясь, оба бросаются к ней, беспомощно свисающей над обрывом.

Выбрасывая липкие струйки глины, мимо проносится «Мерседес»...

Сколько времени тогда они потратили, чтобы вытащить на трассу машину Спрукта и Калнайса, они не скажут и сегодня. Только им обоим показалось, что это была вечность. Убедившись, что потерпевший экипаж готов продолжать борьбу, Стасис ринулся в погоню. Потом большинство гонщиков, которых обошел Брундза на подъемах и виражах, скажут, что так мог ехать только победитель гонки.

К месту контроля времени они пришли, что называется, тютелька в тютельку, не получив ни единого штрафного очка. Благополучно добрался до финиша и потерпевший аварию экипаж Спрукта, который благодаря своевременной помощи смог продолжить борьбу за командную победу.

События, о которых здесь рассказано, произошли на первом же этапе «Тура Европы». В дальнейшем Прага, Будапешт, Бухарест, Стамбул, Анкара, Тебриз, Тегеран, Хорремабад, Газиантеп, Дамаск, Амман, Бейрут, Измир и вновь Стамбул, а затем София, Белград, Больцано, Инсбрук, Ганновер и Травемюнде встречали и провожали черно-оранжевый «Москвич», который, захватив лидерство, так и не уступил его больше никому из своих именитых соперников. Пятнадцать тысяч километров по территории тринадцати стран прошел он, демонстрируя всему автомобильному миру возможности наших машин. Это была первая в истории советского автоспорта победа гонщиков в личном зачете. И добыл ее экипаж Стасиса Брундзы.

* * *

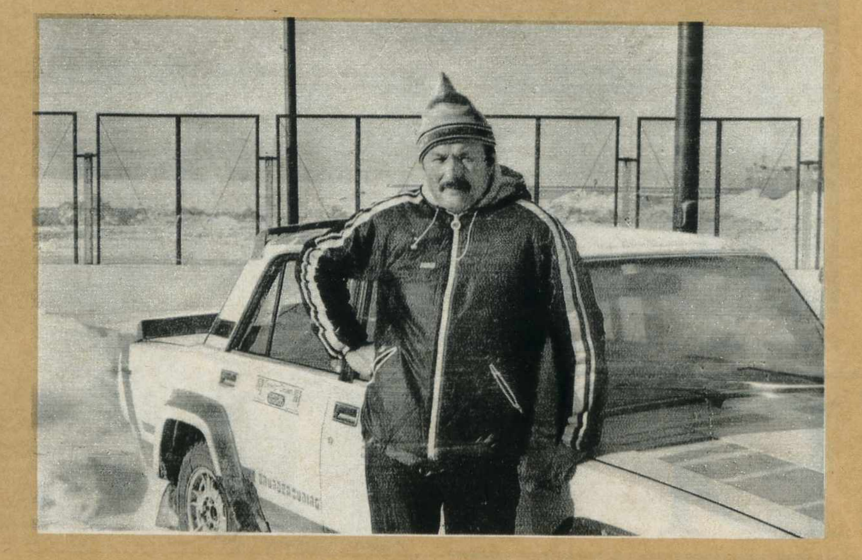
Как человек суеверный, Стасис не любит рассказывать о своих победах. Но если перелистать судейские протоколы и справочники, то окажется, что Брундза десять раз был чемпионом страны, неоднократно побеждал в международных ралли. За это время он и горел в машине, и переворачивался, и даже тонул. Однако, когда речь заходит об опасности, которая подстерегает каждого, кто собирается заниматься автоспортом, Стасис непоколебим в своем утверждении.

«Согласно статистике,— говорит он,— автоспорт по травматизму стоит в ряду самых безопасных видов. И уж тем более намного уступает по этой части альпинизму, футболу, боксу и даже легкой атлетике».

Вот почему он убежден, что автоспортом могут и должны заниматься не только мужчины, но и женщины. Автоспорт формирует в человеке не только характер, трудолюбие, вырабатывает настойчивость в достижении цели, но и помогает овладеть современной техникой. И Брундза первым в стране создал женский экипаж раллистов, который, набирая опыт и мастерство, порой уверенно теснит на трассе мужские экипажи.

...Длинные вечера Стасис проводит на участке, где готовят и испытывают спортивные автомобили перед ответственными соревнованиями. Брундза — главный инженер участка и, что называется, по локти погружен в сборку нового многосильного двигателя, который выведет на старт очередного ралли его машину.

Стасис Брундза. **Фото автора**

Николай СТАРОСТИН, заслуженный мастер спорта

В понедельник, 9 июня, закончился турнир третьей группы команд, участвующих в чемпионате мира по футболу. Победив команду Канады со счетом 2:0, советская сборная завоевала первое место и 15 июня выступит в матче одной восьмой финала.

Первыми впечатлениями о чемпионате делится с нашими читателями заслуженный мастер спорта Н. П. Старостин.

Дуэль Александра Заварова и Мишеля Платини (Франция). Телефото Рейтер — ТАСС

Вслед за футболом

Отдаю себе полный отчет в том, да и читатели это понимают, что в пору групповых турниров впечатления от чемпионата мира могли быть только предварительными, субъективными, ибо наиболее значительные матчи, которые после тщательного разбора и позволят в конечном итоге составить мнение о футболе наших дней, еще впереди. С этой обязательной оговоркой я и позволю себе высказать некоторые соображения по поводу предложенного нашему вниманию телевидением.

Первое, что бросилось в глаза,— это то, что футбол делается все более нарядным и мелодраматичным, иначе говоря, усиливается его непосредственное эмоциональное воздействие на аудиторию. Пестрее и ярче форма, в которую одеты команды, а вратари — так те просто в экзотических нарядах. Игроки не сдерживают жестикуляции, как бы желая объяснить зрителям свои поступки и промахи, а при столкновениях и падениях порой разыгрывают «жуткие» сцены ради того, чтобы вызвать к себе сочувствие. Даже такой известный мастер, как бразилец Сократес — между прочим, врач по образованию,— позволил унести себя с поля на носилках, а вскоре как ни в чем не бывало продолжал играть.

Заметно и то, что гораздо надежнее становятся предматчевые прогнозы. Привычная непредсказуемость исхода игр пошатнулась. Для меня, например, неожиданными были лишь результат 6:0 в матче советской сборной с венграми (не победа, а счет) да неудачи англичан в первых двух встречах со сборными Португалии и Марокко. Думаю, что тут сказывается не только осторожная рассудочность, характерная для групповых турниров, но и вообще характер сегодняшней подготовки команд к каждой игре, когда учитывается заранее все, что можно учесть, и перед всеми открывается возможность пользоваться видеозаписями матчей с участием будущих противников.

Так уж заведено, что на чемпионатах мира вольно или невольно сопоставляется футбол разных континентов. И раньше отмечалось их взаимовлияние. Мне представляется, что на стадионах Мексики разница еще более стирается и европейцы и южноамериканцы настойчиво учатся друг у друга. В чем это выражается? Скажем, универсальность, умение одного и того же игрока выполнять разные задачи и разные приемы европейцы заимствовали у южноамериканцев, а те, в свою очередь, переняли у нас игру с перемещениями футболистов без мяча. В этом отношении сборные Бразилии и Аргентины ныне выглядят на уровне лучших европейских стандартов.

За старое держатся уругвайцы. В матче со сборной ФРГ, неожиданно быстро открыв счет, футболисты Уругвая в дальнейшем прибегли к сугубо оборонительному варианту, и стало особенно хорошо видно, что дриблингу они охотнее доверяют, чем игре в пас, индивидуальное начало у них возобладало над коллективным. Немудрено, что, играя в такой футбол, они не могли обойтись без откровенно грубых, опасных приемов, без симуляции. И меня не удивил разгром (6:1), учиненный им сборной Дании.

Приятно прибавили в технике и скорости представители африканского континента — сборные Алжира и Марокко. Объяснить это можно тем, что немало одаренных африканцев играют в европейских клубах, а в конце карьеры возвращаются домой и передают молодежи приобретенные навыки. Скорее всего, это влияние распространяется не так быстро, как хотелось бы, но тем не менее не требуется большой фантазии, чтобы представить себе футболистов Африки на следующих чемпионатах мира среди ведущих.

Всегда возникает и такой вопрос: какой футбол в ходу — атакующий или оборонительный? Пока я бы ответил: контратакующий. Когда команда проигрывает и чувствует, что пришло время последних попыток, то тут делать нечего, кроме как пускаться в атаку всеми силами. Чаще же всего приходится видеть, что обе команды занимают выжидательную позицию. Самостоятельная, я бы ее назвал суверенной, наступательная тактика проглядывала у сборных Бразилии, Франции и Аргентины.

Судя по откликам прессы, игра бразильцев многими ставится под сомнение. Это неудивительно, обе их первые победы, над испанцами и алжирцами, внушительными не назовешь. Но я бы привлек внимание к уверенности, которая чувствуется во всем, что они делают на поле. И, кроме того, при наблюдении за бразильскими футболистами не покидает ощущение, что у них много затаенного, что еще не все пущено в ход. В частности, молодые форварды Карека и Мюллер словно бы еще не начинали играть, а только примериваются. Я не удивлюсь, если в дальнейшем кто-то из сравнительно малоизвестных игроков сборной Бразилии затмит славу таких «звезд», как Сократес и Фалькао.

Короче говоря, если бы меня спросили, какие команды после первых трех игр позволительно отнести к числу фаворитов, ответить было бы легко: Бразилии, Аргентины, Франции, Италии и СССР.

У меня сложилось впечатление, что наша команда первые игры провела ярче, целеустремленнее всех остальных участников чемпионата, что позволяет предположить, что она способна потягаться за призовое место. Ее достоинство я вижу в том, что она молода, для большинства игроков чемпионат мира в новинку, и это как бы придает чувствам свежесть. Она уже успела себя зарекомендовать стойкой, упорной психологически. Правда, в сопоставлении по части технической обученности она пусть и немного, но все же уступает другим лучшим командам, но это не ее вина, а давнее отставание нашего футбола.

Сохранение энергии на остальную часть чемпионата — дело чрезвычайно важное, во многом зависящее от умения руководителей команды. Много толков вокруг непривычных для европейцев особенностей Мексики. Да, преодолевать эти особенности нелегко. Но я не думаю, что они столь уж губительны. С одной стороны, здоровый человек, как известно, ко всему привыкает, а необходимым для этого временем футболисты располагают. С другой — хорошая физическая подготовленность как раз и имеет целью чувствовать себя непринужденно в любых условиях, мы, футболисты, как и другие достаточно тренированные спортсмены, неоднократно это на себе проверяли. Мне кажется, что зрителям на этом чемпионате даже потруднее, чем игрокам.

Одним словом, как видите, первые матчи, проведенные нашей сборной, вселяют определенные надежды. Я прекрасно понимаю, сколь важны будут в следующих встречах и выбор тактических вариантов, и уверенность в себе, и сохранение сил. Тем не менее долгая жизнь в футболе, на протяжении которой я насмотрелся на всевозможные превращения, повороты и, если хотите, чудеса, заставляет меня пожелать нашей сборной еще и толики счастья, удачи, фортуны, назовите как угодно. (Я не завел бы речь о счастье, если бы не считал нашу команду достойной его.)

Еще раз повторю, что впечатления навеяны самыми первыми матчами, и я не возьмусь на них безоговорочно настаивать. Прошлые чемпионаты мира не раз давали основания пересматривать то, что казалось ясным вначале.

примите к сведению

Григорий ГУСАРОВ

ИНСТРУКТАЖ

Новоселу Гребешкову сосед показал извещение: «Всем квартиросъемщикам прибыть на инструктаж по правилам пользования лифтом пассажирским. В противном случае лифт включен не будет».

На другой день Гребешков отпросился с работы и пошел в жилконтору. В коридорах учреждения маялись похожие на абитуриентов люди.

— Кто последний на инструктаж? — осведомился новосел.

— На зачет,— поправили его.

— Какой зачет? — удивился Гребешков.

...Запускали по пять человек. Через два часа подошла очередь Гребешкова.

— Берите билеты,— просипел экзаменатор, слесарь производственно-технического участка.— Кто шибко знает, могу без подготовки.

— Я знаю,— сказал жилец по фамилии Фролов.— У меня комплект поставки лифта. Лифт состоит из кабины, дверей и кнопок.

— Кто дополнит? — спросил экзаменатор.

Юноша поднял руку:

— Еще динамик громкоговорящей связи. Кроме того, стены лифта обшиты полировкой!

— Правильно,— одобрил экзаменатор. — Динамик вырывают, на полировке царапают слова!..

— Кнопки тоже вырывают,— обиделся Фролов.— Трос можно перерезать, а движок и кабину приспособить на даче...

— А 54-я квартира что скажет? — поинтересовался экзаменатор.

— У нас дверь не закрывается, окна не открываются, в щели пола тапочки проваливаются,— сказала 54-я.

— Это не мне,— сказал экзаменатор.— Я про лифт спрашиваю. У вас какой вопрос?

— Назначение и технические данные,— вздохнула 54-я.— Лифт служит для перевозки вверх и вниз...

— Логично,— поддакнул слесарь-экзаменатор.— Если возить вправо и влево, это будет уже метро. Рояль можно перевозить?

— Можно,— сглупила 54-я.— Вверх.

— Нельзя! — вскричал экзаменатор.— Что еще нельзя перевозить? Кто дополнит?

— Детей без взрослых, лиц в нетрезвом виде, гостей, диких животных...— забубнил юноша.

— Это все одно и то же,— сказал экзаменатор.

— Нельзя плевать на пол,— добавил дедушка, сидевший с краю.

— А вам — вводная,— сказал экзаменатор.— Лифт застрял, двери не открываются. Ваши действия?

— Диспетчера вызову,— наивно сказал дедушка.

— Динамик вырван,— сказал экзаменатор.

— В дверь буду стучать,— не сдавался дедушка.

— А толку? — сказал экзаменатор.— 54-я квартира, например, услышит ваш стук.

— Если слышно на девятом этаже, значит, у меня тоже,— очнулся Гребешков.— Я на первом этаже живу.

— Если вы на первом этаже живете,— сказал экзаменатор,— зачем вы вообще сюда пришли? Разве вам посылали извещение?

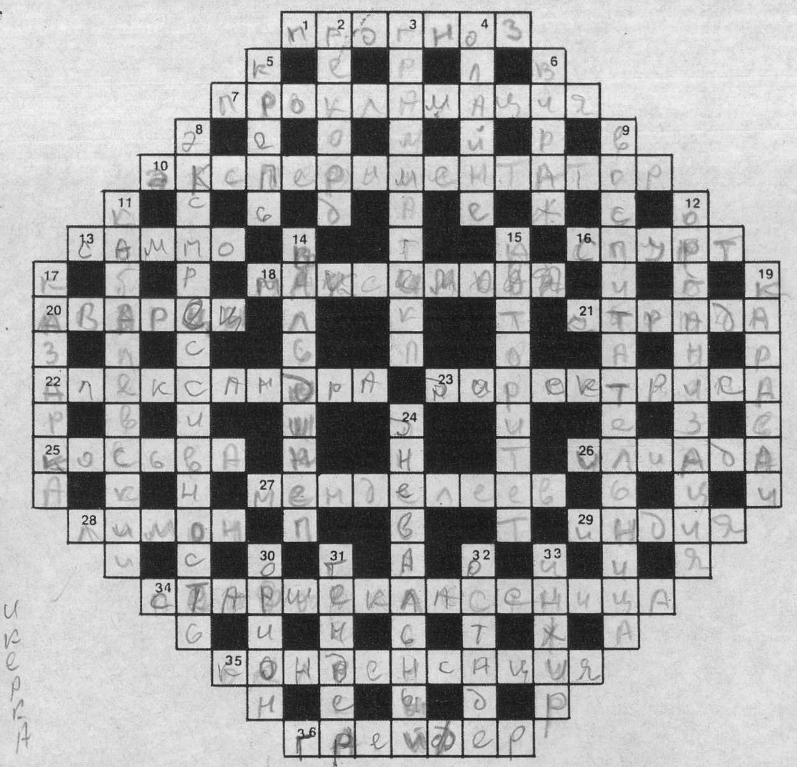
— Нет,— покраснел Гребешков.— Так я могу идти?

— Идите,— пожал плечами экзаменатор.

Лифт пустили через полгода. Гребешков на нем не ездил...

Юмор

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Советский искусственный спутник Земли для изучения солнечной активности. 7. Воззвание в форме листовки. 10. Специалист, производящий научные опыты. 13. Первый карельский балет. 16. Резкое увеличение темпа в состязании на скорость. 18. Балерина, народная артистка СССР. 20. Представитель народа, населяющего Дагестан. 21. Напряженная работа в период жатвы. 22. Действующее лицо пьесы М. Горького «Егор Булычов и другие». 23. Прямая линия. 25. Река, впадающая в Камское водохранилище. 26. Древнегреческая эпическая поэма. 27. Ученый, открывший периодический закон химических элементов. 28. Вечнозеленое дерево, цитрус. 29. Государство в Южной Азии. 34. Школьница. 35. Превращение газа, пара в жидкое состояние. 36. Грузозахватное приспособление подъемного механизма.

По вертикали: 2. Высший показатель, достигнутый в соревновании. 3. Раздел языкознания. 4. Город в Латвии. 5. Устройство для предохранения горной выработки. 6. Разворот самолета. 8. Выразительность. 9. Наставница, сотрудница детского сада. 11. Композитор, Герой Социалистического Труда. 12. Общественное или государственное учреждение. 14. Лесной кулик. 15. Общепризнанное значение, влияние. 17. Птица семейства утиных. 19. Большой круглый хлеб. 24. Рядовой, помощник дежурного по подразделению. 30. Экваториальное созвездие. 31. Парусник, один из видов яхт. 32. Голландские живописцы. 33. Южное плодовое дерево.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

По горизонтали: 3. «Орленок». 7. Астахова. 9. Акустика. 11. Хорда. 12. Арнем. 13. Атрек. 15. Минор. 17. Тукан. 18. Нефть. 20. Тапир. 22. «Школа». 25. Конус. 27. Белов. 28. Айтматов. 29. Еланская. 30. Нарцисс.

По вертикали: 1. Алфавит. 2. Анданте. 3. Опока. 4. Крупа. 5. Шафран. 6. Станок. 8. Сухомлинский. 10. Командировка. 14. Рококо. 16. Роль. 17. Тент. 19. Фонема. 21. Полоса. 23. Конверт. 24. Лютеций. 26. Сатин. 27. Брасс.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ученица 9 «А» класса средней Чернобаевской школы (колхоз имени Кирова Херсонской области) Леся Гарматюк. (См. в номере материал «Пою со всеми...»).

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Кяхта. Музейная экспозиция, посвященная известному путешественнику Г. Е. Грумм-Гржимайло. * Реставрируется Воскресенский собор. * Памятник А. В. Потаниной. * Дом-музей I съезда Монгольской народно-революционной партии. * Этот экипаж — «сидейку» — изобрел декабрист Н. Бестужев. * Один из старых домов в Кяхте. (См. в номере материал «Кяхта».)

Фото Б. ДМИТРИЕВА

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 26.05.86. Подписано к печати 11.06.86. А 01985. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1386. Заказ № 2853.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЗНАКОМЬТЕСЬ:

На снимках: сцены из спектаклей театра-студии «Гротеск». В них заняты актеры А. Ливит, В. Чигляев, В. Андриенко, С. Григорьев, О. Добродзей.

Фото Д. ДЕБАБОВА

«ГРОТЕСК»

До этой встречи в «Огоньке» мы уже многое знали о «Гротеске», молодежном театре-студии Одесской областной филармонии. Знали, что «Гротеск» стал постоянным участником многих передач Центрального телевидения, что с искусством актеров Александра Ливита, Валерия Чигляева, Виктора Андриенко, Семена Григорьева и Ольги Добродзей уже познакомились жители многих городов нашей страны, что их спектакль «Швейк» (по роману Ярослава Гашека) стал лауреатом республиканского конкурса самостоятельных работ творческой молодежи...

Но не знали, наверное, самого главного. Не знали, как это смешно. Актерам «Гротеска» ведомо, что такое театральная гипербола, они замечательно используют все игровые достоинства сценического шаржа и карикатуры. Но самое неожиданное — пластические возможности актеров «Гротеска». И как легко, изысканно - театрально все сыграно! Как непринужденно!

Молодые одесские актеры часто отправляются в гастрольные поездки. Поэтому, увидев афиши «Гротеска», обязательно идите на их спектакли. Получите удовольствие.

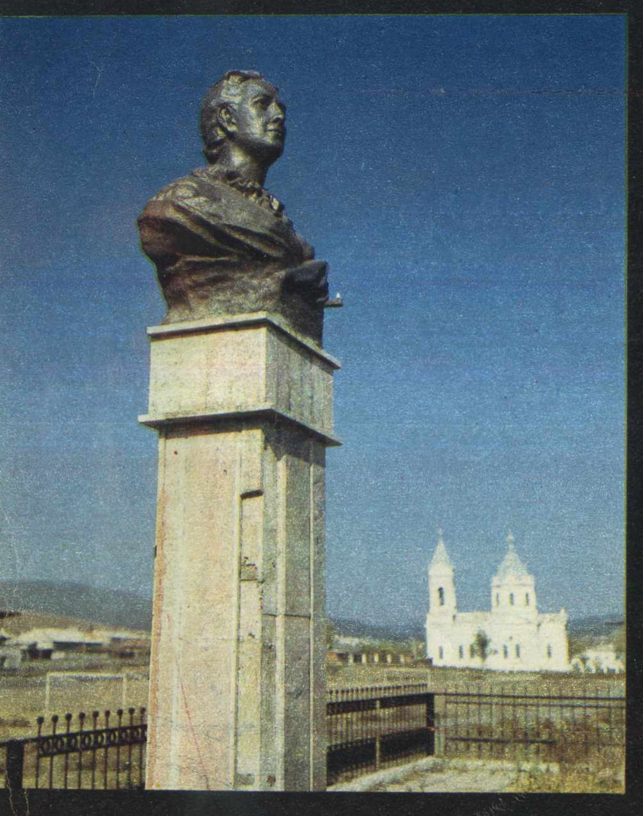
А. ГРИГОРЬЕВ

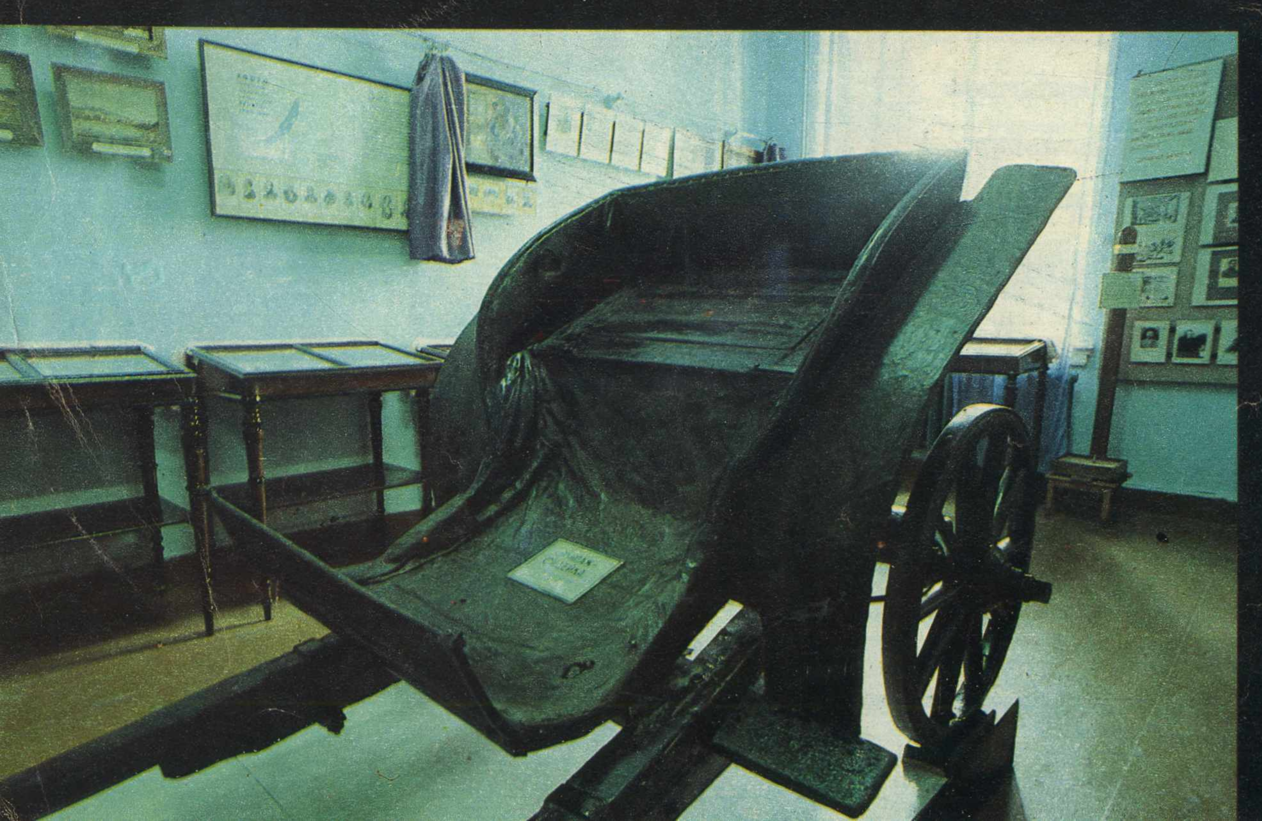

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663